БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ВТОРОЙ
№ 4/16. АПРѢЛЬ 1907

ПЕТЕРБУРГЪ

Изъ исторіи соціалдемократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году.

(Личныя воспоминанія).

Начало описываемыхъ мной событій относится къ осеннимъ мѣсяцамъ 1904 года, когда въ туманѣ петербургской грязи и слякоти, подъ отдаленнымъ грохотомъ пушекъ и потоками народной крови на Дальнемъ Востокѣ, повѣяло слабыми признаками «весны». Наверху въ «надпольномъ» мірѣ газеты впервые заговорили смѣлымъ, достойнымъ человѣка, неслыханнымъ въ Россіи, языкомъ, начался періодъ банкетовъ, кончавшихся неизмѣнной резолюціей о необходимости «реформы» и ограниченія всевластія «бюрократіи». Все оживилось, напряглось и ждало перемѣнъ; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе освѣжающей бури. Какъ же отозвалась «весна» на скрытомъ отъ непосвященныхъ подпольномъ мірѣ, гдѣ сотни людей вели свою кропотливую и самоотверженную работу? Какъ вообще обстояло дѣло къ тому времени въ подпольномъ мірѣ?

Мои замѣтки будутъ касаться лишь соціалдемократической работы въ Петербургѣ, но насколько я знаю, за исключеніемъ окраинъ, въ другихъ мѣстахъ Россіи дѣло немногимъ отличалось отъ того, что происходило въ Петербургѣ, и поэтому я имѣю право считать петербургскія условія довольно типичными, характерными для всей Россіи.

Петербургская соціалдемократическая организація того времени была необыкновенно слаба. Борьба между фракціями большинства и меньшинства достигла во всей Россіи своего апогея и парализовала даже ту небольшую работу, которая дѣлалась. Во главѣ петербургской соціалдемократической организаціи стоялъ мѣстный комитетъ, состоявшій преимущественно изъ интеллигентовъ, студентовъ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Петербургъ былъ раздѣленъ на 6 районовъ: городской, петербургская сторона, васильевскій островъ, выборгскій, невскій и нарвскій (къ которому присоединялась также и московская застава) районы, изъ которыхъ каждый имѣлъ, или по крайней мѣрѣ, долженъ былъ имѣть, свою районную организацію. Организаціонные планы старой «Искры» были выдержаны крайне строго, по крайней мѣрѣ, въ своихъ отрицательныхъ чертахъ, настолько строго, что доходили порой до каррикатурности. Демократизмъ былъ изгнанъ

изъ организаціи: отъ него не осталось и слѣдовъ, и о немъ говорили не иначе, какъ съ насмѣшкой. Комитетъ считался руководящей организаціей, отъ которой исходили безапелляціонные рѣшенія по всѣмъ возникающимъ вопросамъ, которая вырабатывала общія директивы партійной работы и имѣла право смѣщать отдѣльныхъ людей, кассировать цѣлыя организаціи и т. д. Для каждаго района комитетъ изъ числа своихъ членовъ назначалъ организатора, который обязанъ былъ однако только «руководить» работой, а для того, чтобы въ своемъ «руководствѣ», въ проведеніи руководящихъ принциповъ и лозунговъ, не отвлекаться повседневной мелкой работой въ организаціи, организаторы районовъ обыкновенно не занимались текущей работой въ своемъ районѣ: они время отъ времени,—а нѣкоторые очень рѣдко—наѣзжали въ свои «владѣнія», контролировали работу пропагандистовъ, выдавали деньги на расходы, сообщали директивы партійныхъ центровъ, извѣщали о затѣваемыхъ листкахъ; вся же остальная работа лежала на ихъ помощникахъ, пропагандистахъ и агитаторахъ. Такимъ образомъ въ подпольѣ создался міръ, нѣкоторыми существенными своими чертами напоминавшій надпольный режимъ. Во главѣ подпольнаго міра стояла безконтрольная группа революціонеровъ, своего рода партійная бюрократія. Она обладала всѣми недостатками бюрократіи. И какъ въ надпольномъ мірѣ, въ низахъ организаціи также шло глухое броженіе и недовольство, и также сначала не объединенное какими-либо общими принципами, а поддерживаемое лишь неспособностью и бездѣятельностью партійной бюрократіи. Руководящій органъ, петербургскій партійный комитетъ, былъ не только оторванъ отъ широкихъ слоевъ пролетаріата, онъ былъ оторванъ и отъ своей собственной организаціи. Желая стоять надъ организаціей, онъ фактически стоялъ внѣ ея. Желая концентрировать въ своихъ рукахъ всѣ техническія и идейныя средства, всю «полноту власти», онъ, чуждый своей организаціи, подобно всякой «всесильной» бюрократіи, страдалъ полнымъ безсиліемъ и крайне плохо выполнялъ даже функціи техническаго руководства. Листки появлялись крайне рѣдко и не на темы, которыя требовали низы партіи; впрочемъ, требованія низовъ по большей части игнорировались или застрѣвали по пути къ высшимъ сферамъ: техническія средства дѣйствовали крайне несовершенно.

Недовольство росло. Интеллигентовъ, желавшихъ работать для партіи и предлагавшихъ ей свои услуги, было очень много, но за отсутствіемъ всякаго выработаннаго плана работы и руководящихъ практическихъ принциповъ всѣ они толклись на одномъ мѣстѣ, жаловались на то, что комитетъ не даетъ имъ работы, усиливали атмосферу недовольства и неудовлетворенности и тѣмъ способствовали лишь еще большей дезорганизаціи дѣятельности мѣстной соціалдемократической организаціи. И снова точно такъ же какъ въ надпольномъ мірѣ нуженъ былъ громкій крахъ и сильное пораженіе, чтобы заставить скрытую, накопившуюся горечь и неудовлетворенность вырваться наружу и превратить потенціальную энергію оппозиціи въ силу активную, точно такъ же партіи нужно было потерпѣть сильную, уничтожающую и очевидную для всѣхъ неудачу, чтобы заставить недовольные элементы сплотиться и напречь всѣ силы для того, чтобы положить конецъ

ненормальному положенію. Такимъ ударомъ, приведшимъ въ движеніе всѣ активныя силы подпольнаго міра, послужила неудавшаяся демонстрація 28 ноября, назначенная комитетомъ безъ предварительнаго обсужденія вопроса низами партіи, лишь на основаніи теоретическаго убѣжденія мѣстнаго центра, что демонстрація противъ войны необходима. Мы не будемъ описывать здѣсь этой демонстраціи, и скажемъ лишь, что, несмотря на то, что она была назначена въ періодъ повышенной общественной температуры, съ крайне популярнымъ лозунгомъ, направленнымъ противъ войны, петербургскій пролетаріатъ не откликнулся на призывъ соціалдемократической организаціи, и отдѣльныя единицы изъ рабочаго класса незамѣтно мелькали въ негустой массѣ учащейся молодежи.

После этой неудачи начались, какъ это всегда бываетъ послѣ всякихъ неудачъ, взаимныя обвиненія, нареканія и упреки партійныхъ верховъ и низовъ. Низы партіи упрекали комитетъ въ томъ, что онъ принялъ рѣшеніе устроить демонстрацію вопреки явно выраженному низами мнѣнію, что демонстрація несвоевременна и кончится неудачей. Комитетъ съ своей стороны обвинялъ низы и периферію партіи въ недисциплинированности, въ агитаціи противъ рѣшенія мѣстнаго партійнаго центра, даже въ уничтоженіи листковъ, призывавшихъ къ демонстраціи, которые кстати въ нѣкоторые районы попали въ день демонстраціи за часъ или 2 до предполагавшагося ея начала. Кто правъ, кто виноватъ былъ въ этой ссорѣ, конечно, неинтересно. Вѣрно то, что тогда и низы и верхи были одинаково неправы въ оцѣнкѣ основной причины всякихъ неудачъ россійской соціалдемократіи, и нужна была еще не одна неудача и не одно пораженіе, чтобы внутри партіи образовалось теченіе съ болѣе правильной оцѣнкой какъ задачъ партіи, такъ и причины ея слабости и оторванности отъ массъ. Какъ бы то ни было, но послѣ демонстраціи 4 района изъ шести вынесли резолюцію, въ которой они констатировали бездѣятельность и неспособность комитета и отказались впредь признавать его своей руководящей организаціей, да и въ остальныхъ районахъ голоса за и противъ комитета раздѣлились приблизительно пополамъ. Недовольные интеллигенты начинаютъ устраивать общія собранія, гдѣ также принимаются рѣшенія дѣйствовать самостоятельно, независимо отъ комитета, и наконецъ изъ нихъ выдѣляется небольшая группа, которая рѣшаетъ взять на себя функціи и задачи комитета и дѣлается центромъ *меньшевистскаго* теченія въ Петербургѣ.

Но при чемъ же тутъ принципы меньшинства? спроситъ читатель. Вѣдь неспособность руководить и бездѣятельность не принадлежатъ къ тактическимъ пріемамъ исключительно большинства? Приходится дѣйствительно признать, что оппозиція противъ комитета не стояла на какомъ либо опредѣленномъ принципіальномъ базисѣ, что въ нее входили самые разнообразные элементы, что ее объединяли лишь общая неудовлетворенность бюрократическимъ отношеніемъ къ партійной работѣ со стороны руководящей организаціи и общее желаніе работать безъ всякихъ внутреннихъ помѣхъ, которыя часто неожиданно и властно останавливали не очень, конечно, большое, но полезное дѣло. Но этотъ порой несознаваемый протестъ противъ «бюрократическаго централизма» сближалъ оппозицію съ меньшевиками, и потому когда группа, состоявшая преимущественно изъ меньшевиковъ и отчасти изъ отдѣльныхъ старыхъ рабочедѣльцевъ сдѣлала попытку взять на себя роль объединяющей и руководящей организаціи, она была встрѣчена почти повсюду сочувственно.

Новой группѣ, получившей впослѣдствіи названіе *Петербургской группы при центральномъ комитетѣ россійской соціалдемократической рабочей партіи,* пришлось прежде всего выхлопатывать у центральнаго комитета право на существованіе, что ей и удалось послѣ нѣкоторыхъ треній. Въ ближайшіе мѣсяцы послѣ ея основанія она фактически сосредоточила въ своихъ рукахъ всю соціалдемократическую работу въ Петербургѣ; петербургскій комитетъ влачилъ въ эти мѣсяцы самое жалкое существованіе.

Каково же было вліяніе и организованность соціалдемократіи въ Петербургѣ за это время? Центральная группа прежде всего и постаралась освѣдомиться о состояніи соціалдемократической работы въ разныхъ районахъ. Картина получилась крайне печальная. Правильно функціонировавшія организаціи оказались лишь въ нарвскомъ районѣ, на петербургской сторонѣ и отчасти на Васильевскомъ островѣ. Да и въ нихъ организованность слѣдуетъ понимать съ значительными оговорками. Въ нарвскомъ районѣ напр., съ его 30.000 рабочихъ вся соціалдемократическая организація состояла изъ 6—7 кружковъ рабочихъ Путиловскаго и вагоностроительнаго заводовъ, изъ которыхъ въ каждомъ было 5—6 рабочихъ, причемъ работа велась по стародавнимъ пріемамъ съ продолжительными занятіями по политической экономіи и по первобытной культурѣ.

Правда, была также и районная организація изъ представителей кружковъ, но содержаніе ея работы довольно трудно опредѣлить. Заводская жизнь не находила въ кружкахъ никакого отклика; глухое броженіе, которое началось тогда въ петербургскомъ пролетаріатѣ и нашло себѣ выраженіе въ мощно развивавшемся гапоновскомъ движеніи, въ которомъ столь ярко проявилось стремленіе рабочихъ массъ къ широкой организаціи и къ классовому объединенію, игнорировалось, какъ зубатовщина. Да и рабочіе—члены нашихъ кружковъ были по большей части люди крайне молодые, только что вышедшіе ученики, не пользовавшіеся никакимъ вліяніемъ въ своей заводской средѣ. Еще хуже обстояло дѣло въ другихъ районахъ. Авторъ этихъ строкъ, вошедшій въ центральную группу, былъ назначенъ организаторомъ невскаго района и вотъ какое положеніе дѣлъ ему пришлось констатировать въ этомъ громадномъ рабочемъ центрѣ. За невской заставой было всего 3 кружка: одинъ на обуховскомъ заводѣ, одинъ на семянниковскомъ и одинъ—смѣшанный фабричный на фабрикахъ Торнтона и Наумана. Никакого общаго плана пропагандистской работы не было, прежній организаторъ даже въ лицо не зналъ кое-кого изъ пропагандистовъ, и пишущему эти строки стоило не малаго труда отыскать какъ кружки, такъ и ихъ руководителей интеллигентовъ. Послѣдніе иногда сходились, мечтали о томъ, что хорошо было бы, если бы группа назначила имъ «настоящаго» организатора, но далѣе мечтаній дѣло не шло, и кружки вели вялое и мертвое существованіе. Послѣ немалыхъ

усилій мнѣ удалось устроить собраніе наиболѣе видныхъ партійныхъ рабочихъ за невской заставой и потолковать съ ними о дальнѣйшей работѣ. Собраніе это было крайне интересно. Оно назначено было въ одно изъ воскресеній утромъ на квартирѣ одного уже не молодого рабочаго Обуховскаго завода. Я пришелъ на собраніе часовъ въ 10 и долженъ былъ часовъ до двухъ ждать, пока медленно собирались рабочіе. Однако я не потерялъ даромъ своего времени. Хозяйкой квартиры оказалась умная, опытная, рѣдко развитая и толковая ткачиха, пережившая уже не одинъ періодъ нашей партійной жизни. Говорила она прекрасно, чисто литературнымъ языкомъ и хорошо разбиралась въ тактическихъ вопросахъ; впослѣдствіи я узналъ, что она была извѣстна въ своей средѣ подъ именемъ «курсистки». Встрѣтила она меня не то съ недовѣріемъ, не то съ какой-то трогательной жалостью. Такъ мы часто относимся или къ безнадежно больнымъ или къ людямъ, носящимся съ безнадежно химерическими планами. У насъ скоро завязался разговоръ о нашей соціалдемократической работѣ, и она мнѣ откровенно заявила, что, по ея мнѣнію, лучшіе рабочіе къ намъ не идутъ и не пойдутъ; что результаты нашей работы настолько ничтожны, что за нихъ подвергаться риску быть арестованнымъ и оставить на голодъ и холодъ семью, ни одинъ разумный человѣкъ, даже склонный къ самопожертвованію, не рѣшится. «Я помню», говорила она, что у васъ были раньше кружки и не мало приверженцевъ. Гдѣ они теперь? За всей нашей заставой у васъ теперь есть какой-нибудь десятокъ рабочихъ, а вы все продолжаете говорить о широкихъ планахъ, зовете на политическую борьбу. Но вѣдь на самомъ дѣлѣ все сводится лишь къ регулярнымъ и скучнымъ занятіямъ въ кружкахъ и изрѣдка къ предоставленію намъ недурной книженки. Нѣтъ, лучше идите въ гапоновскія организаціи, туда идутъ тысячи народу, народъ вѣритъ въ нихъ и надѣется на нихъ. Не бѣда, что они теперь ставятъ себѣ мелкія задачи, это не можетъ долго продолжаться и отчасти отъ васъ можетъ зависѣть расширеніе тамошней работы. Впрочемъ не слѣдуетъ и отпугивать народъ сразу слишкомъ рѣзкими и непрактичными требованіями».

Къ стыду своему, я долженъ сознаться, что я отъ нея впервые узналъ о дѣйствительно широкомъ вліяніи гапоновскихъ организацій. До тѣхъ поръ съ презрѣніемъ произносимое по отношенію къ нимъ слово: «зубатовщина» совершенно прекращало у насъ всѣхъ всякія заботы о болѣе точномъ опредѣленіи нашихъ отношеній къ громадному пролетарскому движенію, скрывавшемуся подъ этимъ именемъ.

Къ часу собрались рабочіе. Всего явилось человѣкъ около десятка: 3 обуховцевъ, человѣка 2 отъ семянниковскаго завода, 1 или 2 отъ александровскаго завода и 2 отъ фабрики Торнтона. Народъ былъ очень скептически настроенъ, былъ убѣжденъ, что рабочіе не откликнутся на нашъ призывъ итти въ нашу организацію, да и организація наша, по ихъ мнѣнію, была ничего не стоящая, ничего не дѣлающая и ничего не желающая дѣлать. Я попытался въ довольно подробной рѣчи доказать имъ, что соціалдемократическая партія должна быть организаціей, стоящей не внѣ рабочей массы, а въ крѣпкой связи съ ней, что сами рабочіе должны взять созданіе партіи въ свои руки, что

лишь самодѣятельность—тотъ нервъ, который придаетъ жизненность партіи. Я пытался изобразить имъ организацію, построенную на заводскихъ группахъ, листками, рѣчами отзывающихся на всѣ бѣды заводской жизни и мало-по-малу превращающуюся благодаря этому въ глазахъ всей рабочей массы въ защитницу рабочихъ интересовъ, для которой все, что имѣетъ отношеніе къ пролетарской борьбѣ,—свое родное дѣло. Созданіе такой партіи, говорилъ я, возможно однако лишь тогда, когда сами рабочіе перестанутъ надѣяться, что чужіе ихъ классу люди придутъ и будутъ дѣлать все необходимое для жизни партіи, а сами направятъ свои силы на то, чтобы связать партію съ рабочими массами и чтобы внутри партіи всѣ функціи выполнялись преимущественно рабочими.

Успѣхъ моей рѣчи былъ очень небольшой. Рабочіе, хотя и не возражали по существу, и соглашались, что только партія, отзывающаяся на всѣ классовыя проявленія рабочей жизни, можетъ имѣть успѣхъ, но все время чувствовалось, что между мной и ими лежитъ какая то стѣна, какой-то нерастаявшій ледъ. Лишь значительно позже я узналъ главную причину недовѣрія, которое встрѣтила моя рѣчь. Отношеніе къ партіи у моихъ слушателей было, какъ я говорилъ уже, полно недовѣрія; ко всякимъ ея обѣщаніямъ относились съ вѣжливымъ скептицизмомъ. Ее упрекали за то, что она даже кружки ведетъ не какъ слѣдуетъ, неаккуратно и неинтересно. Что касается отклика на рабочія нужды, то тутъ рабочіе наталкивались на такое игнорированіе и непониманіе, что у нихъ просто руки опускались. Я между прочимъ узналъ, что незадолго до того на Обуховскомъ заводѣ произошелъ слѣдующій любопытный фактъ. Во время войны заводъ работалъ очень усиленно и почти во всѣхъ цехахъ были повышены расцѣнки. Но въ одной мастерской мастеръ безъ вѣдома администраціи,—изъ злобнаго ли чувства къ рабочимъ или изъ личныхъ выгодъ—установилъ такія расцѣнки, которыя даже понизили средній заработокъ рабочихъ. Рабочіе этой мастерской обратились въ нашу организацію съ просьбой выпустить по этому поводу коротенькій листокъ, и пригрозить забастовкой этой мастерской въ случаѣ если злоупотребленія не прекратятся. Рабочіе были убѣждены, что до забастовки дѣло, вѣроятно, и не дойдетъ, такъ-какъ мастеръ испугается, что изъ за листка его продѣлки откроются, и постарается удовлетворить рабочихъ и замять дѣло. Въ теченіе двухъ-трехъ недѣль тянулись хлопоты рабочихъ у организаціи, но рабочіе такъ таки и не дождались листка и вѣроятно ни безъ озлобленія махнули рукой на помощь организаціи и отвернулись отъ нея. При подобномъ отношеніи соціалъ-демократической организаціи къ насущнымъ вопросамъ рабочей жизни, у рабочихъ естественно было мало вѣры въ ея обѣщанія и ко всякимъ разговорамъ о задачахъ партіи они часто относились съ нескрываемой насмѣшкой. Мой призывъ къ самодѣятельности рабочихъ они поняли, какъ желаніе свалить вину съ больной головы на здоровую, какъ стремленіе партійной интеллигенціи отказаться вообще отъ всякой работы и слѣдовательно отъ всякой отвѣтственности и предоставить всю работу имъ, рабочимъ. Словомъ моя рѣчь произвела впечатлѣніе идейной защиты, оправданія партійной бездѣятель-

ности. Но повторяю, что я понялъ это лишь впослѣдствіи, на самомъ же собраніи слова одного рабочаго: «что же, товарищъ, мнѣ токаремъ быть, и въ типографіи работать, и пропагандистскій кружокъ вести, а можетъ и листки писать»—казались мнѣ страннымъ недоразумѣніемъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ ушелъ я съ этого рабочаго собранія, на которомъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ нашими лучшими рабочими за невской заставой. До того времени мнѣ всегда казалось, что призывъ къ самодѣятельности затрагиваетъ наиболѣе чуткія струны въ сердцѣ рабочихъ, что онъ является отвѣтомъ на самые наболѣвшіе вопросы нашей партійной жизни. Оказалось однако, что почва недовѣрія настолько неблагодарна, что не даетъ всходить и самымъ лучшимъ сѣменамъ, а для возбужденія и развитія этого недовѣрія наша организація не жалѣла никакихъ трудовъ. Приходилось поэтому постепенно втягивать рабочихъ во всю работу, совмѣстно съ ними вырабатывать планъ работы, и пытаться въ процессѣ работа разбить недовѣріе и пріучить ихъ къ мысли, что партійная работа—ихъ собственное рабочее дѣло. Мы устроили нѣсколько собраній изъ всѣхъ лучшихъ рабочихъ и интеллигентовъ работавшихъ или желавшихъ работать за невской заставой, для собесѣдованій о планѣ нашей работы. Приступить однако къ осуществленію плана намъ уже не пришлось, такъ какъ русская жизнь уже начала напоминать двинувшуюся лавину, которая вскорѣ, раскрывъ предъ нами болѣе широкіе горизонты, окончательно насъ поглотила; начались историческіе гапоновскіе дни, предвѣстники январскихъ событій. Прежде чѣмъ я перейду, однако, къ нимъ или вѣрнѣе къ нашему участію въ январскихъ событіяхъ, я еще нѣсколько остановлюсь на всей петербургской соціалдемократической работѣ, руководимой центральной группой.

Не лучше, чѣмъ за невской заставой, обстояло дѣло въ городскомъ районѣ. Въ другихъ районахъ кружковъ было больше, они собирались аккуратнѣе, но общаго плана работы и тамъ не было, а еще меньше было реагированія на пролетарскія повседневныя нужды. Характеръ партіи былъ исключительно кружковой и вся организація представляла собой общество пропаганды соціалдемократическихъ идей, — преимущественно политическихъ — имѣвшее свои самостоятельныя, лишенныя общаго руководства и разбросанные по всему Петербургу, отдѣленія. Центральная группа прежде всего и попыталась внести единство въ соціалдемократическую работу въ Петербургѣ. Однимъ изъ членовъ ея былъ выработанъ и предложенъ на обсужденіе организаціонный планъ, въ основѣ котораго лежали принципы, о которыхъ я кратко упомянулъ, разсказывая о своемъ дебютѣ за невской заставой. Основной ячейкой организаціи должна была быть, согласно этому плану, заводская группа, состоящая изъ наиболѣе сознательныхъ и вліятельныхъ рабочихъ даннаго завода. Главной задачей этой группы должно было быть реагированіе листками на всякія болѣе крупныя событія заводской жизни, столкновенія съ администраціей, злоупотребленія послѣдней, какъ въ области вопросовъ, касающихся матеріальныхъ условій жизни рабочихъ, такъ и затрагивающихъ рабочаго, какъ гражданина, напр., въ случаѣ часто практиковавшагося

тогда сбора пожертвованій на войну или на икону, которая должна была быть послана на поле военныхъ дѣйствій. Отзываясь на подобные факты, заводская группа должна была пріучить рабочую массу обращаться къ ней за помощью и прислушиваться къ ея голосу при возникновеніи всякихъ вопросовъ, затрагивающихъ рабочаго, какъ наемника и граждана, и такимъ образомъ, стать выразительницей рабочихъ интересовъ всего завода, настоящимъ пролетарскимъ авангардомъ завода. Представители всѣхъ заводскихъ группъ даннаго района должны были образовывать районное собраніе, вѣдающее вопросы всего района, между прочимъ и занятіями въ пропагандистскихъ кружкахъ. Авторъ этого проэкта предполагалъ, что эти заводскія группы могутъ послужить зародышемъ будущихъ профессіональныхъ союзовъ въ свободной Россіи подобно тому, какъ районныя собранія станутъ иниціаторами политическихъ клубовъ и политическихъ союзовъ. Это было, однако, крайнее мнѣніе, которому въ группѣ же противостало другое крайнее мнѣніе, отрицавшее вообще возможность какой бы то ни было организаціи при полицейскихъ условіяхъ самодержавной Россіи и сводившіе всю роль соціалъ-демократическихъ комитетовъ къ политической агитаціи листками, брошюрами и ихъ распространенію среди рабочихъ. Согласно этому мнѣнію, центральная организація должна была быть литературной коллегіей, совмѣстно вырабатывающей политическіе лозунги, редактирующей соотвѣтствующіе листки и при помощи остального крайне простого организаціоннаго аппарата распространяющей ихъ возможно шире. Между этими двумя крайними мнѣніями колебалось большинство центральной группы, которая не успѣла, однако, прійти къ опредѣленному рѣшенію по этому вопросу, такъ какъ наступили событія, когда было не до организаціонныхъ экспериментовъ надъ сотней—другой молодыхъ рабочихъ.

Само собой разумѣется, что центральная группа, будучи, въ сущности, какъ уже было сказано, главой соціалдемократическаго пропагандистскаго общества, не мирилась съ этой своей ролью, подобно всей соціалдемократической партіи, смотрѣла на себя, какъ на организацію, объединяющую авангардъ петербургскаго пролетаріата, какъ на руководителя его классовой борьбы. Она поэтому не довольствовалась своей кружковой дѣятельностью и пыталась приспособить свою работу къ вопросамъ выдвинутымъ сильно поднявшимися волнами освободительнаго движенія въ Россіи. При этомъ однако интересно и крайне поучительно, что въ то время, какъ петербургская организація соціалъ-демократической *рабочей* партіи оставалась глуха къ той громадной стихійно совершающейся у всѣхъ на глазахъ работѣ организаціоннаго и классоваго самоопредѣленія петербургскаго пролетаріата, она старалась очень интенсивно реагировать на общее оппозиціонное движеніе другихъ классовъ, на либеральное движеніе въ земствахъ и на банкетахъ. Вопросъ объ участіи партійныхъ рабочихъ на банкетахъ не разъ обсуждался въ петербургскихъ группахъ. По поводу декабрскаго банкета литераторовъ было даже созвано собраніе наиболѣе выдающихся партійныхъ рабочихъ всего Петербурга, которое послѣ продолжительныхъ и страстныхъ преній опредѣлило какъ свое отошеніе къ банкетамъ, такъ и свою относительно ихъ тактику.

Большинство собранія смотрѣло на участіе въ банкетахъ съ точки зрѣнія необходимаго классоваго самоопредѣленія и разграниченія либераловъ и соціалдемократовъ, и потому рабочимъ рекомендовалось участвовать на банкетахъ въ цѣляхъ педагогическихъ. На этихъ банкетахъ соціалдемократы должны были прежде всего рѣзко и выпукло выяснять классовую основу соціалдемократіи и тѣмъ заставить другія оппозаціонныя партіи обнаружить свой непролетарскій характеръ. Рабочимъ эти банкеты должны были дать возможность проникнуться сознаніемъ той принципіальной пропасти, которая отдѣляетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ оппозиціонныхъ теченій. Въ виду этого, всѣ рѣчи, которыя выработывались для этихъ банкетовъ, имѣли своимъ содержаніемъ рѣзкую критику какъ принциповъ, такъ и тактики либеральной оппозиціи и осмѣивали безсильныя банкетныя резолюціи и затѣвавшіяся петиціи.

Въ этихъ псевдо-педагогическихъ задачахъ проповѣдывавшагося тогда «хожденія во всѣ классы» при полномъ игнорированіи классоваго объединенія рабочихъ въ гапоновскомъ движеніи ярче всего сказывалась *интеллигентская нерабочая психологія соціалдемократической организаціи*. Въ самомъ дѣлѣ, интеллигентъ, выходецъ непролетарскаго класса, доходитъ чисто теоретическимъ книжнымъ путемъ до сознанія принципа классовой борьбы, онъ нуждается поэтому въ возможно большемъ числѣ иллюстрацій и доказательствъ классовыхъ противорѣчій, существующихъ въ обществѣ. Ему крайне интересно въ педагогическихъ цѣляхъ, для «доказательства отъ противнаго», посѣщать всякіе непролетарскіе оппозиціонные слои и организаціи, чтобы на нихъ учиться и въ нихъ раскрывать ихъ непролетарскую сущность. Рабочій же обыкновенно «учится» классовой борьбѣ ежедневно, для него она не столько теоретическій принципъ, сколько голый, никогда не прекращающійся жизненный фактъ, который онъ постоянно видитъ предъ собой и который ему диктуетъ и классовое объединеніе, и классовыя средства борьбы. Для него «педагогическое» участіе на банкетахъ совершенно излишняя и ненужная роскошь. Его лучшій учитель—сама классовая борьба, коллективная и организованная.

Этотъ же непролетарскій характеръ партіи помѣшалъ ей, несмотря на всю ея классовую фразеологію, предвидѣть и противопоставить банкетнымъ резолюціямъ и истинно пролетарское, классовое средство политической борьбы. Это пролетарское средство борьбы было выдвинуто не партіей: оно вышло изъ глубинъ рабочихъ массъ, явившись продуктомъ стихійнаго пролетарскаго творчества. Этому средству борьбы,—общей стачкѣ—и пришлось сыграть, какъ извѣстно, рѣшающую роль во всей русской революціи, а въ частности и въ январскіе дни 1905 года, къ которымъ я и перейду.

II.

Объ участіи соціалдемократіи въ январскихъ событіяхъ существуетъ въ литературѣ два совершенно противоположныхъ мнѣнія. Одни—противники соціалдемократической партіи,—утверждаютъ, что январскія событія прошли безъ всякаго ея участія и вліянія, что она не только не была причастна къ подготовкѣ движенія, но что роль ея даже въ самые январскіе дни равна нулю. Напротивъ, въ соціалдемократической прессѣ можно было читать такія описанія указанныхъ событій, на основаніи которыхъ легко вывести заключеніе, что соціалдемократія была душой движенія, что, если лозунги и требованія рабочихъ росли и оформились въ процессѣ событій, то это произошло благодаря растущему вліянію соціалдемократіи. Мы склонны думать, что то и другое мнѣніе одинаково далеки отъ истины, и попытаемся въ дальнѣйшемъ, на основаніи личныхъ наблюденій, дать матеріалъ для болѣе вѣрной характеристики какъ участія, такъ и роли соціалдемократіи въ январскихъ событіяхъ, причемъ считаемъ необходимымъ оговориться, что въ наши намѣренія не входитъ ихъ полное описаніе.

Путиловская стачка, послужившая поводомъ для январскаго гапоновскаго движенія, была совершенной неожиданностью для петербургской соціалдемократической организаціи. До этого до насъ черезъ рабочихъ стали доходить слухи, что гапоновскія собранія привлекаютъ массу рабочихъ, что на нихъ произносятся рабочими смѣлыя, горячія рѣчи, что къ 19 февраля 1905 года готовятся огромныя собранія, на которыя Гапонъ хотѣлъ бы пригласить и соціалдемократовъ. Мало того, мы узнали, что нѣсколько оппозиціонныхъ литераторовъ попытались читать на этихъ собраніяхъ еженедѣльные обзоры событій по легальнымъ газетамъ, и что это встрѣчено было шумными одобреніями рабочихъ. Всѣ эти извѣстія заставили насъ принять рѣшеніе слѣдить болѣе внимательно за гапоновскимъ движеніемъ, но въ то же время мы настойчиво продолжали совѣтовать какъ рабочимъ, такъ и интеллигентамъ не выступать на гапоновскихъ собраніяхъ, такъ какъ для насъ зубатовское происхожденіе гапоновщины заслоняло все то, что въ этомъ движеніи было здороваго и многообѣщающаго. Къ тому же у отдѣльныхъ рабочихъ, и въ отдѣльныхъ кружкахъ нашимъ пропагандистамъ приходилось встрѣчаться съ Гапономъ, вступать съ нимъ въ побѣдоносные диспуты, и мы изъ-за этихъ легкихъ побѣдъ въ кружкахъ склонны были смотрѣть на Гапона, какъ на quantitè negligéable; благодаря этому, мы и проглядѣли громадное массовое движеніе, связанное съ его именемъ. Такимъ образомъ январскіе дни застигли насъ *совершенно врасплохъ* и потому какого-либо одного общаго рѣшенія мы по отношенію къ нимъ не приняли. Наша организація, какъ цѣлое, вообще не функціонировала за эти дни, и каждый районъ дѣйствовалъ на свой собственный счетъ и по собственному усмотрѣнію. При этомъ событія насъ до такой степени захватили, что, когда группа собралась лишь за дня 2 до 9 января опредѣлить свою тактику, было уже поздно. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что *въ непосредственной подготовкѣ событій, въ выработкѣ плана ихъ мы не принимали никакого участія*. Но столь же несомнѣнно, что когда событія начались, соціалдемократамъ удалось въ отдѣльныхъ районахъ пріобрѣсти значительное вліяніе на движеніе. Они были тѣмъ постоянно недовольнымъ и неудовлетвореннымъ элементомъ, который не могъ успокоиться на настоящемъ и постоянно толкалъ, по край-

ней мѣрѣ, идейно, движеніе впередъ и влѣво. Первыя выступленія соціалдемократическихъ ораторовъ, ихъ непривычныя рѣчи съ рѣзкими, порой столь далекими, столь чуждыми настроенію массы лозунгами и требованіями, часто раздражали собраніе, вносили диссонансъ въ столь цѣльную тогда своимъ мистическимъ настроеніемъ толпу, но они заставляли призадумываться, не позволяли движенію застывать на одномъ, созданномъ лишь общимъ недовольствомъ, настроеніи, будили мысль и обогащали ее новыми, невѣдомыми Гапоновцамъ вопросами. Правда, соціалдемократы не столько вліяли на толпу, сколько сами поддавались громадному захватывающему вліянію толпы. Общее настроеніе массы сообщалось и имъ, и всѣ острые углы, всѣ созданные далекимъ отъ дѣйствительной жизни съ ея реальными вопросами, искусственнымъ, маленькимъ партійнымъ міркомъ, интересы и тактическія положенія обрубались, перерабатывались и преображались при соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Но въ результатѣ этого взаимодѣйствія создавалось,—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ районахъ, — болѣе опредѣленное революціонное направленіе движенія, являвшееся противовѣсомъ сильной вѣры въ «батюшку царя», который выслушаетъ своихъ «дѣтей» и положитъ конецъ ихъ страданіямъ. Поясню сказанное своими личными наблюденіями за это время.

Крайне слабо было вліяніе соціалдемократіи въ городскомъ и нарвскомъ районахъ. Сильнѣе оно было на выборгской сторонѣ, васильевскомъ островѣ и петербургской сторонѣ и особенно за невской заставой, гдѣ пишущему эти строки пришлось главнымъ образомъ наблюдать и участвовать въ движеніи. Большое вліяніе соціалдемократовъ въ невскомъ районѣ объясняется тѣмъ, что само гапоновское движеніе было здѣсь очень молодо и наиболѣе слабо: гапоновскій отдѣлъ былъ основанъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до январскихъ событій. Кромѣ того уровень развитія рабочихъ металлургическихъ заводовъ этого района былъ гораздо выше, чѣмъ этого требовало гапоновское движеніе. Долгая работа соціалдемократовъ въ этомъ районѣ, сравнительно крупное вліяніе, которое удалось пріобрѣсти въ этомъ районѣ петербургскому союзу борьбы за освобожденіе рабочаго класса въ концѣ 90-хъ годовъ, а главное, довольно широкая культурная дѣятельность вечернихъ и воскресныхъ школъ, частныхъ легальныхъ библіотекъ, имѣли своимъ результатомъ, что въ этомъ районѣ гуще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, разбросаны были отдѣльныя единицы и кучки рабочихъ, сравнительно очень культурныхъ, начитанныхъ, съ большими духовными и политическими интересами. Гапоновское движеніе захватило поэтому въ этомъ районѣ,— въ противоположность другимъ районамъ—сравнительно менѣе культурную и даже совсѣмъ отсталую часть рабочихъ. Въ этомъ районѣ не мало было соціалдемократовъ—рабочихъ, которые, хотя и не шли въ партію, но сохраняли полувраждебный нейтралитетъ къ гапоновскому движенію, а когда разгорѣлись январскія событія и этихъ рабочихъ также потянуло въ гапоновскіе отдѣлы, сдѣлавшіеся центрами охватившаго рабочихъ броженія, они создавали сочувствующую аудиторію для соціалдемократическихъ ораторовъ. Способствовала вліянію

соціалдемократіи, пожалуй, и сама слабость ея организаціи. Работавшіе тамъ соціалдемократы были такъ мало связаны интересами своей собственной организаціи, что совершено ушли въ гапоновское движеніе: они менѣе всего могли думать о томъ, чтобы использовать это громадное движеніе въ интересахъ своей почти несуществовавшей организаціи.

Какъ только стачка охватила весь Путиловскій заводъ, и сталъ распространяться лозунгъ расширять забастовку на весь Петербургъ, соціалдемократы вечеромъ 3 января созвали за невской заставой своихъ немногихъ рабочихъ и рѣшили на слѣдующій день утромъ отправиться по заводамъ и останавливать ихъ. Такъ какъ рабочихъ для этого было мало, то нѣсколько интеллигентовъ присоединилось къ нимъ сначала съ намѣреніемъ утромъ рѣчами воздѣйствовать на остановку работъ, но этого дѣлать не пришлось, такъ какъ рабочіе и безъ всякихъ рѣчей охотно и легко поддавались первому призыву къ остановкѣ работъ. Громадныя толпы забастовавшихъ рабочихъ повалили въ гапоновскія собранія, и вмѣстѣ съ ними туда проникли и мы, всѣ дѣйствовавшіе въ этомъ районѣ соціалдемократы, съ твердымъ намѣреніемъ заставить себя выслушать.

Мнѣ еще теперь памятно то громадное впечатлѣніе, которое произвело на меня и на моихъ товарищей это собраніе. Въ собраніи царилъ все время какой-то мистическій, религіозный экстазъ; въ страшной тѣснотѣ и жарѣ часами стояли другъ возлѣ друга тысячи народу и жадно ловили безыскусственныя, поразительно сильныя, простыя и страстныя рѣчи измученныхъ своихъ ораторовъ рабочихъ. Содержаніе рѣчей все время было бѣдное, на всѣ лады повторялись фразы: «мы не можемъ уже больше терпѣть», «нашему терпѣнію уже пришелъ конецъ», «страданія наши превзошли уже всякую мѣру», «лучше смерть, чѣмъ подобная жизнь», «нельзя драть съ человѣка три шкуры» и т. д. Но всѣ онѣ произносились съ такой удивительной, трогательной искренностью, настолько выходили изъ самыхъ глубинъ измученной человѣческой души, что та же фраза, произнесенная въ сотый разъ, вызывала слезы на глаза, заставляла глубоко ее чувствовать и вливала твердую увѣренность, что дѣйствительно нужно на что нибудь рѣшиться, чтобы дать выходъ этому переливавшему черезъ край рабочему горю, рабочей неудовлетворенности. Эта необычная мистическая обстановка сначала насъ совершенно ошеломила, и когда первый нашъ ораторъ съ большой неохотой, и лишь повинуясь раньше принятому нами рѣшенію, взялъ слово, рѣчь его, по содержанію несомнѣнно гораздо болѣе богатая, чѣмъ другія рѣчи и въ общемъ очень хорошая, хотя и гораздо менѣе «крайняя», чѣмъ было рѣшено, прозвучала какъ-то странно чуждо, необыкновенно слабо, какъ будто то былъ отголосокъ другого далекаго міра. Нѣсколько хлопковъ, которые бросили ему по обязанности партійные рабочіе, очень скоро замерли. Въ рѣчи своей онъ, главнымъ образомъ, указывалъ, что нужно говорить всю правду рабочимъ, что не слѣдуетъ потворствовать ихъ предразсудкамъ, какъ дѣлаютъ гапоновцы, а расширить ихъ горизонты новыми требованіями, преимущественно по-

литическими, неотдѣлимыми отъ экономическихъ. Выясненію этихъ требованій главнымъ образомъ посвящена была его рѣчь.

Послѣ его рѣчи наступило неловкое молчаніе въ нѣсколько секундъ, а затѣмъ предсѣдатель собранія, рабочій, который, въ общемъ, относился враждебно къ соціалдемократамъ, не желая, очевидно, добивать и безъ того безсильнаго и неопаснаго врага, мягко и очень вѣжливо сказалъ, что все сказанное ораторомъ о необходимости политическихъ реформъ, безъ сомнѣнія, очень хорошо и вѣрно, но пусть имъ дадутъ работать спокойно, и они мало-по-малу сами до всего договорятся. Послѣ этого опять полились прежнія простыя, но сильныя рѣчи, одна толпа уходила и смѣнялась другой, у подъѣзда на дворѣ открывались новые, еще большіе митинги, настроеніе все росло, и наконецъ и мы не выдержали, поддались общему настроенію и, вмѣсто прежней критики гапоніады, наши ораторы стали выступать съ призывомъ къ борьбѣ, съ яркими описаніями невозможнаго положенія рабочихъ и необходимости положить ему конецъ, съ проповѣдью самой широкой борьбы во всѣхъ сферахъ Словомъ и отъ насъ полились рѣчи, хотя и болѣе содержательныя, чѣмъ рѣчи гапоновцевъ, но тонъ ихъ, но ихъ настроеніе были уже иные, всецѣло созданные этой мятущейся толпой. Съ этого времени вліяніе соціалдемократическихъ ораторовъ растетъ, толпа ихъ охотно слушаетъ, не разбираясь совершенно въ томъ, что отличаетъ ихъ отъ гапоновцевъ. Многіе такъ и называютъ ихъ «гапоновскими соціалдемократами» и твердо убѣждены, что при гапоновскомъ отдѣлѣ состоятъ особыя должностныя лица, называемыя соціалдемократами. Они кромѣ этого видятъ, что соціалдемократы довольно свѣдущіе «умственные» гапоновскіе чиновники, и потому рабочіе отдѣльныхъ заводовъ обращаются къ нимъ, когда приходится вырабатывать отдѣльныя заводскія требованія своей заводской администраціи. Такимъ образомъ наряду съ общими, публичными собраніями начинается рядъ полуконспиративныхъ собраній наиболѣе зрѣлыхъ рабочихъ каждаго завода и фабрики, собранія, на которыхъ соціалдемократы помогаютъ рабочимъ составлять листки со спеціальными заводскими и фабричными требованіями. Мнѣ приходилось быть на нѣсколькихъ такихъ собраніяхъ, и характерной чертой ихъ являются проникавшіе всѣ требованія «поиски справедливости», общее стремленіе покончить съ создавшимися невозможными условіями. При выработкѣ требованій рабочіе не только занимались будущими улучшеніями, но также старались получить реваншъ за всѣ свои прежнія, давнишнія долголѣтнія обиды и злоупотребленія. Такъ они требуютъ, чтобы рабочимъ выдавали наградныя, отмѣненныя уже десятки лѣтъ за всѣ эти годы, вознагражденія за пониженія расцѣнокъ, практиковавшіяся долгіе же годы. На одномъ собраніи рабочій даже предложилъ мнѣ вписать въ листокъ требованіе, чтобы при введеніи восьмичасового рабочаго дня рабочимъ выдали вознагражденіе за неуплаченные имъ лишніе ежедневные 2—3 часа работы въ продолженіи послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ. И мнѣ казалось, что во всѣхъ этихъ требованіяхъ рабочіе руководились не столько соображеніями матеріальнаго характера, сколько чисто моральнымъ стремленіемъ устроить все «по справедливому» и

заставить хозяевъ искупить свои прежніе грѣхи. А грѣховъ открылось на этихъ собраніяхъ чрезвычайно много! И листокъ съ требованіями на каждомъ заводѣ обыкновенно грозилъ растянуться до безконечныхъ размѣровъ.

Эти собранія, на которыхъ обыкновенно участвовало отъ 50 до 100 рабочихъ, также способствовали росту симпатій рабочихъ къ соціалдемократіи, но, конечно, главную роль все таки играло то, что соціалдемократическіе ораторы подчинились настроенію толпы и приспособляли къ нему свои рѣчи. Политическія требованія являлись лишь вѣнцомъ, заключеніемъ рѣчи, которая уже предварительно успѣвала завоевать симпатіи. За эти дни у соціалдемократовъ выдвигаются видныя агитаторскія силы. Интеллигентъ подъ названіемъ «Андрей Обуховецъ» былъ любимой фигурой на трибунѣ, на бочкѣ на дворѣ, на крышѣ какого то сарая во дворѣ. Онъ овладѣлъ тайной говорить 20 разъ въ день объ одномъ и томъ же съ равнымъ, никогда себѣ не измѣнявшимъ, искреннимъ увлеченіемъ, лишеннымъ всякихъ патетическихъ фразъ, въ самыхъ простыхъ и понятныхъ выраженіяхъ. Къ нему относились крайне нѣжно и трогательно. Разъ я былъ свидѣтелемъ, какъ какой-то рабочій, посмотрѣвъ на его драные сапоги, отозвалъ его въ сторону, скинулъ свои галоши и упросилъ его взять ихъ себѣ. Другой разъ, когда онъ, стоя на дворѣ на бочкѣ, въ трескучій морозъ говорилъ передъ большой толпой, я вдругъ замѣтилъ въ сторонѣ маленькаго старика рабочаго, который тихо плакалъ. Я подошелъ къ нему и спросилъ о причинѣ, вызвавшей его слезы, и получилъ отвѣтъ: «Эхъ, и какой же это парень, а вѣдь погибаетъ, губитъ себя парень, вѣдь не сносить ему головы». Нѣкоторое вліяніе имѣлъ также и другой интеллигентъ, говорившій очень невнятно, но въ то же время съ такимъ жаромъ и такой живой жестикуляціей, что рабочіе съ снисходительной ироніей такъ и прозвали его «Трясучкой». Появился у насъ также и имѣвшій большой успѣхъ, бродячій ораторъ, у котораго глубоко прочувствованная рѣчь соединялась съ превосходнымъ артистическимъ дарованіемъ. Худой и очень блѣдный, съ мягкой длинной бородой и нервнымъ измученнымъ лицомъ, одѣтый въ жалкій зипунишко и въ русскихъ высокихъ сапогахъ, онъ напоминалъ тѣхъ бѣдныхъ, нѣсколько запуганныхъ, но умственныхъ крестьянъ, которые только что попали въ большой городъ и не успѣли еще прійти въ себя отъ всего того новаго, что имъ пришлось увидѣть. Онъ вездѣ, на дворѣ, у воротъ, на углахъ улицъ останавливалъ рабочихъ, образовывалъ кучки и толпы, тихимъ, тягучимъ голосомъ, чуть-чуть заикаясь, но замѣчательно просто и душевно, съ нѣкоторымъ поэтическимъ лиризмомъ, говорилъ рабочимъ о лучшемъ будущемъ, о необходимой борьбѣ, растолковывалъ элементарныя и сложныя политическія требованія и повсюду вызывалъ къ себѣ напряженное вниманіе, а нерѣдко и страстные диспуты. Его потомъ стали встрѣчать очень охотно, просили говорить, предлагали вопросы, а онъ, начиная издалека, постоянно тянулъ одну линію и всегда возбуждалъ огромное довѣріе къ себѣ. Мнѣ пришлось видѣть однажды, какъ онъ явился утромъ на дворъ гапоновскаго собранія и немедленно былъ окруженъ стариками и пожилыми «сѣрыми» рабо-

чими, которые охотно вступали съ нимъ въ бесѣду. Онъ поклонился имъ въ ноги. Всѣ кругомъ отвѣтили ему, какъ одинъ человѣкъ, тѣмъ же глубокимъ поклономъ. А затѣмъ полилась приблизительно слѣдующая, не совсѣмъ обычная, рѣчь: «Съ добрымъ утромъ, товарищи! Славный у насъ сегодня денекъ, у насъ, у рабочихъ. И славный онъ не потому, что солнце сегодня не по зимнему грѣетъ и свѣтитъ, что снѣгъ пріятно хруститъ подъ ногами, а потому, что у насъ въ душѣ должно быть хорошо. А хорошо у насъ на душѣ потому, что мы впервые опомнились, почувствовали себя людьми, впервые всѣ дружно пошли на борьбу съ своими врагами. На какую борьбу и съ какими врагами?» И тутъ пошли длинныя прекрасныя разъясненія, кто врагъ рабочаго, за что нужно бороться,—разъясненія, настолько просто и артистически «по крестьянски» изложенныя, что даже мы забывались и съ удивленіемъ слушали, какъ этотъ захудалый мужиченко такъ умно разсказываетъ такія интересныя вещи. «Все это театрально и нѣсколько фальшиво», скажетъ какой нибудь трезвый читатель. Можетъ быть, но въ то время естественный здравый смыслъ часто пасовалъ передъ повышенной, мистической театральностью. Другой разъ у меня на глазахъ произошла слѣдующая комическая сцена. Упомянутый агитаторъ остановился на крыльцѣ и открылъ собесѣдованіе. Вдругъ откуда-то выскочилъ дворникъ и сталъ разгонять народъ, «здѣсь не мѣсто собираться», кричалъ онъ, «здѣсь къ тому же говорятъ всегда тѣ, которымъ не позволяютъ говорить внутри помѣщенія, бунтовщики. Кто здѣсь говоритъ? кто бунтуетъ?» Нашъ агитаторъ спокойно подошелъ къ сердитому дворнику, и смотря на него своимъ нѣсколько робкимъ взглядомъ, самымъ ласковымъ голосомъ произнесъ: «Да это я здѣсь говорю, товарищъ». Дворникъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и сразу понизилъ тонъ. «А? это ты? Ну тебѣ то говорить можно. Что ты, уракъ, можешь дурного сказать?» Раздался громкій хохотъ стоявшихъ кругомъ рабочихъ, очевидно уже слышавшихъ «дурныя» рѣчи «дурака». И дворникъ, обидѣвшись за «дурака», уходя, бросилъ слѣдующія сентенціонныя слова: «Стыдно, ребята, смѣяться надъ сѣрымъ человѣкомъ. Ну глупъ онъ еще, успѣетъ поумнѣть, а смѣяться надъ нимъ все же не слѣдуетъ».

Начиная съ 3 января движеніе съ каждымъ днемъ или вѣрнѣе съ каждымъ часомъ расширялось и углублялось. Настроеніе повышалось. За невской заставой, въ помѣщеніи гапоновскаго отдѣла, собранія шли цѣлый день съ 8—9 часовъ утра до 10 или 11 вечера. Каждый часъ одна толпа смѣняла другую. Кромѣ этого на огромномъ дворѣ, несмотря на жестокіе морозы, все время шли грандіозные митинги. Намъ приходилось работать ежедневно до полной потери силъ. Фактически соціалдемократы преимущественно и говорили. Былъ раза 2 какой-то неизвѣстный мнѣ литераторъ, разъ говорилъ на дворѣ соціалистъ-революціонеръ, но въ общемъ всю тяжесть безпрерывной агитаціи пришлось выдерживать нѣсколькимъ соціалдемократамъ и одному-двумъ гапоновскимъ рабочимъ. Вначалѣ послѣдніе относились съ нескрываемой враждебностью къ «конкуренціи» соціалдемократовъ. Но потомъ, когда они убѣдились, что никакихъ конфликтовъ отъ этого не

проистекаетъ, что мы вмѣстѣ съ ними ведемъ одну линію, и, наконецъ, когда ими было рѣшено не замалчивать политики, они стали даже нѣсколько зависѣть отъ насъ, такъ какъ въ области политической агитаціи они чувствовали себя довольно таки безпомощными. Впослѣдствіи они намъ сами заявили, что раньше нашъ разговоръ съ толпой казался имъ смѣшнымъ, но потомъ, когда мы переняли ихъ пріемы и ихъ умѣнье дѣйствовать на массу, мы такъ расширили содержаніе рѣчей, что уже имъ отъ насъ приходилось учиться.

Въ виду этого мы все время работали очень дружно, сообща исполняли даже такія функціи, какъ раздачу помощи стачечникамъ, контролированіе дѣйствительно нуждающихся и т. п. Вліяніе наше за эти дни настолько окрѣпло, что въ первый день, когда Гапонъ сталъ читать на собраніяхъ свою петицію, онъ пригласилъ насъ на совмѣстное совѣщаніе. Задачей совѣщанія было, по словамъ Гапона, его желаніе выяснить отношеніе соціалдемократовъ къ хожденію къ Зимнему дворцу 9 января и столковаться съ ними о необходимыхъ практическихъ пріемахъ. Это совмѣстное совѣщаніе состоялось 7 января отъ 9 часовъ вечера до 2 часовъ ночи. Со стороны Гапоновцевъ, кромѣ самого Гапона, присутствовало 6—7 наиболѣе выдающихся его рабочихъ разныхъ районовъ; со стороны соціалдемократовъ 1 рабочій и 3 интеллигента, среди которыхъ былъ и авторъ этихъ строкъ. Въ виду большого интереса какъ личности Гапона, такъ и вообще этого совѣщанія, постараюсь воспроизвести его возможно точнѣе.

Встрѣтили насъ гапоновскіе рабочіе съ торжествующей воинственностью. «Смотрите, говорили они, на плоды нашей работы: какія массы народа удалось намъ привести въ движеніе. Что представляютъ собой въ сравненіи съ ними ваши маленькіе кружки? Гдѣ результаты вашей долголѣтней работы?» Мы отвѣтили, что въ гапоновскомъ движеніи, безъ сомнѣнія, учитывается и наша долголѣтняя работа, что во главѣ у нихъ часто находятся люди, получившіе революціонное крещеніе въ нашихъ кружкахъ, что, наконецъ, и масса отчасти была нѣсколько подготовлена нашими листками, распространявшими революціонно-боевые лозунги, и что она настолько привыкла къ нашимъ листкамъ и вѣритъ имъ, что даже гапоновскую петицію очень многіе называютъ прокламаціей. «Но, въ такомъ случаѣ, спросили гапоновцы, зачѣмъ вы насъ позорили, называли зубатовцами, провокаторами?»

Мы откровенно отвѣтили, что они въ настоящее время несомнѣнно наши товарищи по борьбѣ, но нельзя отрицать, что въ началѣ гапоновское движеніе находилось въ сношеніяхъ съ Зубатовымъ. Разговоръ грозилъ принять щекотливый оборотъ, и Гапонъ вмѣшался. Онъ правдиво призналъ, что начало движенія, связаннаго съ его именемъ, дѣйствительно «темное», но нѣсколько грубоватой лестью скоро успокоилъ, какъ своихъ обидѣвшихся приверженцевъ, такъ и озлившихся соціалдемократовъ—послѣднихъ преимущественно тѣмъ, что онъ «въ сторону» шепнулъ своимъ—однако такъ, что мы всѣ слышали: «Какіе восхитительные парни—эти соціалдемократы»!

Послѣ этого маленькаго инцидента у насъ пошла продолжительная товарищеская бесѣда до поздней ночи. Гапонъ производилъ впечатлѣніе человѣка несомнѣнно хитраго, себѣ на умѣ, очень често-

любиваго, съ большими личными планами, но въ то же время крайне и искренно увлеченнаго событіями, захватившими его цѣликомъ, морально выросшаго, благодаря своей роли, и дѣйствительно глубоко проникнутаго сильнымъ желаніемъ служить рабочимъ и быть имъ полезнымъ. Въ то же время онъ, повидимому, не отдавалъ себѣ отчета въ непосредственныхъ опасностяхъ движенія; я бы сказалъ даже, что онъ не вполнѣ замѣтилъ и все то громадное развитіе, котораго оно достигло, а поскольку замѣтилъ,—недостаточно проникся мыслью, что для событій такихъ размѣровъ требуются и большіе горизонты и большая отвѣтственность. Подобно намъ, но, конечно, въ безконечно большей степени, онъ былъ захваченъ могучей, съ силой естественнаго потока развивавшейся стихіей; незамѣтно очутившись на ея гребнѣ, онъ сразу всталъ передъ фактомъ ея чудовищной силы, которую онъ не только не былъ въ силахъ какъ либо направить, измѣнить, но которую не могъ даже умственно охватить. Въ этой его несознательности и заключалась, на мой взглядъ, одна изъ главныхъ тайнъ той огромной роли, которую этой въ общемъ невѣжественной, не выдающейся личности, этому не блестящему человѣку и даже плохому оратору суждено было играть: несложность и цѣльность его натуры, его неспособность широко и всесторонне охватить явленія огромной важности, его неумѣніе оріентироваться въ сложныхъ событіяхъ и предвидѣть ихъ возможныя послѣдствія позволили ему, предоставляя событіямъ естественно развиваться, спокойно идти къ намѣченной цѣли, не глядя ни назадъ, ни слишкомъ далеко впередъ. Ему, повидимому, были чужды какъ сильныя угрызенія совѣсти, такъ и внутренняя борьба, вызываемая сознаніемъ сильной отвѣтственности, равно какъ и глубокія долгія думы надъ событіями. Не мудрствуя лукаво, онъ всецѣло подчинялся толкавшей его все дальше и дальше стихіи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ былъ очень мало «испорченъ» излишними знаніями и свѣдѣніями. По своему умственному уровню онъ едва ли стоялъ выше развитыхъ рабочихъ. Это сближало его съ массой, психологіей которой онъ совершенно проникался и даже ей подчинялся: онъ прекрасно понималъ рабочихъ, какъ и они его. Даже способъ выраженія онъ заимствовалъ у рабочихъ, и если-бы не священническая ряса, мы бы въ тотъ вечеръ приняли его за средняго рабочаго. Словомъ, «герой» былъ вполнѣ дѣтищемъ «толпы», русская политически мало сознательная рабочая масса могла выдвинуть тогда только мало сознательнаго вожака, и потому послѣдній и былъ ей такъ близокъ, такъ понятенъ и такъ обаятеленъ.

На самомъ совѣщаніи мы, по предварительному рѣшенію, не высказывали своего отношенія къ хожденію къ Зимнему дворцу, а занимались больше «интервьюированіемъ» Гапона. Въ тотъ вечеръ онъ вполнѣ вѣрилъ, что народъ будетъ допущенъ къ Зимнему дворцу, о возможности кровавыхъ расправъ онъ даже и не думалъ. Онъ былъ убѣжденъ, что правительство для вида, быть можетъ, попытается полицейскими мѣрами задержать рабочія массы и не допустить ихъ до Зимняго дворца, но что при настойчивости масса добьется своего. Но онъ сильно сомнѣвался въ устойчивости, прочности и выдержанности боевого настроенія массы. По его мнѣнію, широкое броженіе, охва-

тившее рабочія массы, хотя и проявляется въ шумныхъ и трогательныхъ формахъ, но очень поверхностно, не глубоко и можетъ при первомъ серьезномъ сопротивленіи исчезнуть. «Я прошу васъ, соціалдемократовъ, говорилъ онъ, поставить свои кадры въ послѣднихъ рядахъ манифестаціи. Соціалдемократы—народъ стойкій, убѣжденный и не испугаются первыхъ насильственныхъ дѣйствій полиціи. Мой же народъ, какъ и «соціалъ-революціонеры»—народъ хотя и славный и умереть готовъ за дѣло, но способны ли они на что нибудь другое, кромѣ мгновеннаго порыва, за которымъ слѣдуетъ упадокъ духа, я не знаю». Чтобы поддерживать все время боевое настроеніе рабочихъ, онъ совѣтовалъ по пути ломать шлагбаумы, прогонять полицейскихъ съ ихъ постовъ и прибѣгать ко всякимъ «мелкимъ» формамъ проявленія силы массъ. Но въ то же время онъ просилъ соціалдемократовъ не выкидывать красныхъ знаменъ, не дѣлать слишкомъ рѣзкихъ восклицаній и вообще избѣгать всего того, что можетъ нарушить цѣльность настроенія массъ и отпугнуть рабочихъ. На нашъ вопросъ, какъ онъ представляетъ себѣ ходъ предстоящихъ событій 9 января, онъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «Я думаю, что тѣмъ или инымъ путемъ масса доберется до Зимняго дворца. Передъ дворцомъ мы, конечно, встрѣтимъ много войска. Я и другіе рабочіе депутаты приблизимся однако къ войску и, отъ имени всего рабочаго народа Петербурга, попросимъ ауденціи у Государя. Я думаю, что мы получимъ аудіенцію. Если царя не окажется въ Петербургѣ, мы заявимъ, что мы остаемся передъ дворцомъ ждать его пріѣзда, и, по всей вѣроятности, его дождемся. На аудіенціи мы, отъ имени петербургскаго народа, передадимъ Государю нашу петицію, которую я предложу обсудить, но я въ то же время заявлю, что не уйду, если не получу немедленнаго торжественнаго обѣщанія удовлетворить слѣдующіе два требованія: амнистію пострадавшимъ за политическія убѣжденія и созывъ всенароднаго земскаго собора. Если я получу удовлетвореніе, я выйду на площадь, махну бѣлымъ платкомъ, принесу радостную вѣсть и начнется великій народный праздникъ. Въ противномъ случаѣ я выкину красный платокъ, скажу народу, что у него нѣтъ царя, и начнется народный бунтъ». Впрочемъ на послѣднемъ случаѣ онъ мало останавливался, считая его, очевидно, мало вѣроятнымъ: онъ только говорилъ, что тогда всѣмъ разрушительнымъ элементамъ, къ числу которыхъ онъ между прочимъ относилъ и всѣ революціонныя партіи, должна быть предоставлена полная свобода дѣйствій. Но онъ очень подробно развивалъ послѣдствія благопріятнаго оборота дѣлъ. Лишь только два основныхъ требованія будутъ удовлетворены, всеобщая стачка должна прекратиться: всенародному земскому собору должна быть предоставлена выработка основныхъ законовъ; но въ числѣ немедленныхъ временныхъ мѣръ, подлежащихъ осуществленію еще до созыва земскаго собора, долженъ быть введенъ восьмичасовой рабочій день: необходимо дать немедленно крупное удовлетвореніе рабочимъ массамъ, тѣмъ болѣе, что послѣ громаднаго броженія, послѣ душевныхъ бурь, пережитыхъ петербургскимъ пролетаріатомъ, онъ психологически не будетъ въ состояніи проводить цѣлые дни на заводахъ и фабрикахъ. Но есть еще болѣе важная причина, дѣлающая необходи-

мымъ соединить восьмичасовой рабочій день съ созывомъ всенароднаго земскаго собора: отъ самихъ народныхъ массъ будетъ зависѣть ихъ дальнѣйшая судьба, онѣ сами будутъ призваны выковывать свое собственное будущее счастье. Нужно поэтому дать народу достаточный досугъ, чтобы развиваться, учиться и оріентироваться въ государственныхъ дѣлахъ. Это мыслимо лишь при восьмичасовомъ рабочемъ днѣ.

Изъ такой смѣси наивныхъ дѣтскихъ химеръ и вѣрныхъ наблюденій, свидѣтельствующихъ о глубокомъ знаніи рабочей души этого періода, состоялъ весь планъ, всѣ предвидѣнія этого загадочнаго перваго руководителя пролетарскихъ массъ Петербурга.

Не входя въ обсужденіе плановъ Гапона по существу, мы заявили, что никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній по вопросу о нашемъ участіи въ предполагавшемся хожденіи 9 января мы дать не можемъ, такъ какъ наша центральная организація вопроса этого не обсуждала, но что мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что организація наша постановитъ принять самое активное участіе въ назначенной демонстраціи. Мы, однако, не скрывали передъ Гапономъ своихъ болѣе пессимистическихъ взглядовъ, сказали ему, что мы предвидимъ кровавый оборотъ движенія и, повидимому, намъ удалось нѣсколько поколебать его оптимизмъ. На слѣдующій день утромъ, послѣ дальнѣйшихъ разговоровъ съ соціалдемократами, заночевавшими съ нимъ въ той же квартирѣ, Гапонъ написалъ свое извѣстное письмо къ князю Святополкъ-Мирскому.

На слѣдующій день мы созвали два собранія соціалдемократическихъ рабочихъ невскаго района, число которыхъ за эти дни значительно увеличилось, — одно въ селѣ Смоленскомъ, другое въ селѣ Александровскомъ, — для совмѣстнаго обсужденія вопроса нашего участія въ событіяхъ 9 января. Рабочіе, въ особенности обуховцы, въ общемъ отрицательно относились къ гапоновскому движенію, и сильно настаивали на томъ, что соціалдемократы должны отказаться отъ всякаго участія въ немъ. Позорно и недостойно соціалдемократіи, говорили они, идти крестнымъ ходомъ подъ предводительствомъ попа къ Зимнему дворцу просить тамъ сжалиться и пожалѣть рабочихъ, тѣмъ болѣе, что все это кончится лишь разстрѣлами и массовымъ избіеніемъ. Лишь послѣ долгихъ преній намъ удалось убѣдить ихъ въ томъ, что наше участіе или неучастіе въ демонстраціи не можетъ имѣть никакого вліянія на самый фактъ ея осуществленія, но что мы не имѣемъ права повернуться спиной къ этому первому массовому выступленію петербугскаго пролетаріата и обязаны своимъ участіемъ въ немъ бороться противъ отрицательныхъ чертъ гапоніады и пытаться внести въ него болѣе широкіе лозунги. И въ самой петербургской центральной группѣ раздавались голоса, видѣвшіе измѣну принципамъ соціалдемократіи въ нашей совмѣстной дѣятельности съ Гапономъ; по ихъ мнѣнію, обязанностью соціалдемократовъ было—вести борьбу и самую упорную борьбу какъ съ Гапономъ, такъ и съ его планами. Большинство группы, однако, вполнѣ отдавало себѣ отчетъ въ міровомъ значеніи развертывавшихся передъ нами событій и высказывалось за самое рѣшительное участіе въ нихъ.

Событія 9 января настолько извѣстны, что я считаю излишнимъ останавливаться на нихъ подробно. Рабочіе невскаго района, на мой взглядъ, дали меньшій процентъ участниковъ демонстраціи, чѣмъ другіе районы, при чемъ въ сторонѣ отъ движенія остались наиболѣе передовые слои рабочихъ. Извѣстно, что невскіе рабочіе были задержаны на границѣ города, что послѣ нѣсколькихъ холостыхъ залповъ, послѣ нѣкоторыхъ попытокъ разогнать толпу казаками, которые наталкивались на колѣнопреклоненныхъ женщинъ и стариковъ, вся толпа бросилась черезъ Неву, и разными путями проникла въ городъ. Кромѣ городскихъ рабочихъ, преимущественно рабочіе изъ за невской заставы наполняли собой Невскій проспектъ и площадь у Александровскаго сада. Жертвы, понесенныя рабочими невскаго района, были поэтому меньше, чѣмъ въ другихъ районахъ. Не стану я также описывать всѣхъ ужасовъ этого дня. Скажу лишь, что правительственная расправа превзошла даже самыя мрачныя опасенія и носила провокаціонный характеръ: до того она противорѣчила терпимому отношенію полиціи къ революціонной агитаціи предшествующихъ дней. Что мы, активные участники движенія, которые чувствовали и свою долю отвѣтственности, должны были пережить въ тотъ памятный день, едва ли поддается описанію. Убивались и разстрѣливались не только тысячи молодыхъ жизней, но и наивная вѣра, воспитанная и выросшая въ народѣ долгими вѣками, та непосредственная дѣтская вѣра въ то, что стоитъ только громко провозгласить свое горе, такъ громко, чтобы оно было услышано, наконецъ, тамъ гдѣ оно всегда скрывается недругами народа, — и спасеніе сразу явится; былъ нанесенъ смертельный ударъ тому стихійному энтузіазму, который впервые рабочія массы вложили въ дѣло своего освобожденія. Хорошо ли это освобожденіе народа отъ вредныхъ и нежизненныхъ иллюзій такими средствами—вопросъ другой. Но въ тотъ кровавый день этотъ отвѣтъ пулями и саблями на трогательное довѣріе массъ порождалъ не только негодованіе и жажду мести, но и горькую обиду за эту рабочую массу и безконечную жалость къ ней.

Съ тяжелымъ чувствомъ отправился я вечеромъ того же дня на собраніе центральной соціалдемократической группы, на которомъ присутствовало, кромѣ членовъ группы, еще много другихъ соціалдемократическихъ работниковъ изъ всѣхъ районовъ. На собраніе должны были стекаться отчеты о событіяхъ этого дня и здѣсь же должны были вырабатываться рѣшенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Оказалось, что повсюду произошло одно и то же: во всѣхъ районахъ безоружный народъ разстрѣливался, не оказывая никакого сопротивленія. Только на Васильевскомъ островѣ была сдѣлана слабая попытка строить баррикады. Но какъ это ни странно, оказалось, что общій тонъ собранія противорѣчилъ индивидуальному настроенію каждаго изъ насъ. Тонъ собранія былъ крайне бодрый, большинство его участниковъ выражало твердую увѣренность, что теперь рабочіе окончательно распростятся съ своими прежними иллюзіями и что на слѣдующій же день начнется активное выступленіе рабочихъ массъ уже подъ истинно революціонными лозунгами. Отчеты о настроеніи рабочихъ изъ разныхъ районовъ изображали его сильно повышен-

нымъ, боевымъ и жаждущимъ мщенія за погубленныя жизни и разбитыя иллюзіи. Рѣшено было поэтому на слѣдующій день вызывать новыя выступленія и продолжать начавшуюся революцію. Нѣкоторые, вновь пріѣхавшіе, товарищи были откомандированы въ районы на помощь старымъ, усталымъ работникамъ. Слѣдующій день принесъ намъ, однако, большое разочарованіе. Продолжаю разсказъ свой о невскомъ районѣ, тѣмъ болѣе, что все, что относится къ нему, въ большей или меньшей степени примѣнимо ко всему Петербургу.

Утромъ я и одинъ новый товарищъ отправились за невскую заставу. Самый видъ улицъ предмѣстья принесъ первое опроверженіе нашихъ разсчетовъ на то, что теперь у рабочихъ можетъ быть лишь одно настроеніе—революціонное, и одно желаніе—идти на борьбу, чтобы отомстить за убитыхъ товарищей и поруганныя надежды. По пути намъ то и дѣло попадались большіе плакаты—треповскія объявленія, которыя молчаливо читались группами рабочихъ, а порой возлѣ объявленія стоялъ треповскій же ораторъ съ характерной «переодѣтой» физіономіей и коментировалъ объявленіе. И нужно отдать справедливость полиціи: за одну ночь она не дурно успѣла сьорганизовать дѣло. Нужно было во что бы то ни стало изобрѣсти жертву, на которую могъ бы быть направленъ гнѣвъ рабочихъ, нужно было найти виновника его разочарованія,—и объ этомъ полиція позаботилась самымъ отеческимъ образомъ. «Переодѣтые» ораторы убѣждали рабочихъ, что во всемъ виноваты студенты съ переодѣтымъ студентомъ Гапономъ во главѣ, которые завлекли рабочихъ не въ свое дѣло, подвели подъ выстрѣлы и сами скрылись, воспользовавшись деньгами, собранными у рабочихъ и якобы для рабочихъ. Мнѣ лично пришлось выслушать рѣчь одного такого «оратора» передъ треповскимъ объявленіемъ, въ которой онъ подробно разсказывалъ о видѣнныхъ имъ многочисленныхъ изуродованныхъ трупахъ убитыхъ рабочихъ; доведя своимъ разсказомъ негодованіе рабочихъ до высокой степени, онъ прибавилъ, что все это были трупы «русскаго народа» и что ни одного студента или «демократника» тамъ не было. Всѣ они 9 января попрятались. Сбитые съ толку, рабочіе въ первые дни очень легко поддавались на эту удочку. Попытки гапоновскихъ вожаковъ и нашихъ агитаторовъ бороться противъ такихъ «объясненій» успѣха не имѣли, и тѣ же рѣчи, которыя раньше зажигали энтузіазмъ рабочихъ, выслушивались ими теперь угрюмо и съ мрачнымъ недовѣріемъ. Кромѣ того рабочая масса, сильная своимъ единствомъ, была раздроблена: гапоновскіе отдѣлы были почти повсюду закрыты, и рабочіе не могли собираться и совмѣстно разбираться въ той страшной загадкѣ, которую создалъ для нихъ день 9 января. Мы съ товарищемъ прежде всего направились въ невскій гапоновскій отдѣлъ, который почему-то еще не успѣли закрыть. Намъ удалось собрать небольшую толпу, открыть собраніе и въ небольшой рѣчи попытаться подвести итоги вчерашняго дня. Но на первое рѣзкое слово критики существующихъ политическихъ условій, изъ толпы раздался голосъ: «Въ пропасть ты насъ тащишь!» «Повѣсить тебя надо!» Хотя эти возгласы и не были поддержаны толпой, но въ общемъ настроеніе было такое вялое и растерянное, что послѣ нѣкоторыхъ тщетныхъ попытокъ расшевелить ее, намъ пришлось закрыть собраніе. Послѣ этого и этотъ послѣдній гапоновскій отдѣлъ былъ закрытъ полиціей, и гапоновское движеніе, какъ нѣчто организованное и самостоятельное, сошло со сцены.

Черезъ два-три дня наша невская организація получила приглашеніе отъ нѣсколькихъ гапоновцевъ явиться къ нимъ по какому-то конспиративному дѣлу. Я и еще одинъ товарищъ пошли по приглашенію и застали наиболѣе видныхъ изъ уцѣлѣвшихъ гапоновцевъ этого района. Они заявили намъ, что теперь они убѣдились въ правотѣ нашихъ взглядовъ, что раньше можно было работать лишь «по гапоновски», т. е. выставляя только наиболѣе понятныя и близкія требованія и замалчивая болѣе отдаленныя, политическія—теперь же, послѣ всего совершившагося, остается работать лишь по нашимъ указаніямъ. Мы могли бы считать себя удовлетворенными этимъ успѣхомъ, если бы тотчасъ же не оказалось, что о нашихъ взглядахъ у нихъ составилось нѣсколько своеобразное представленіе. Они намъ заявили, что и они убѣдились въ томъ, что рабочая масса крайне инертна, тупа и не сознательна, что она теперь неспособна бороться за себя, и что если ожидать, пока она разовьется,—пройдутъ долгіе годы безъ всякихъ перемѣнъ. Остается поэтому наиболѣе сознательнымъ, наиболѣе самоотверженнымъ рабочимъ взять дѣло борьбы за рабочіе интересы въ свои руки. Эта небольшая группа рабочихъ должна прежде всего въ ближайшее воскресенье выйти съ бомбами и револьверами, чтобы отомстить за своихъ товарищей и добиться терроромъ сознательнаго меньшинства того, чего не могла достичь вся рабочая масса. На нашъ вопросъ, много-ли у нихъ приверженцевъ, они отвѣтили, что наиболѣе сознательные гапоновцы всѣ склоняются къ такимъ взглядамъ. Мы, конечно, попытались имъ дать болѣе вѣрное пониманіе нашихъ воззрѣній и отклонить ихъ отъ ихъ безнадежнаго предпріятія, но, кажется, они разстались съ нами, нѣсколько разочарованные нашей холодностью и несочувствіемъ къ ихъ презрѣнію къ массѣ и къ своеобразной теоріи ея замѣстительства. Приблизительно съ такими же тенденціями мнѣ пришлось встрѣтиться нѣсколько позже среди гапоновскихъ приверженцевъ на Путиловскомъ заводѣ за нарвской заставой, куда я былъ командированъ послѣ январскихъ событій центральной группой и гдѣ мнѣ приходилось принимать активное участіе въ дальнѣйшихъ фазахъ рабочаго движенія этого бурнаго года.

III.

Оцѣпененіе, въ которое впалъ петербургскій пролетаріатъ подъ вліяніемъ ужасовъ 9 января, продолжалось нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ полиція дѣлала все зависящее отъ нея, чтобы сбить его съ толку и направить его разочарованіе по ложному адресу, мимо главныхъ виновниковъ только-что пережитаго издѣвательства надъ народной вѣрой. Стачка медленно умирала. Но какъ это уже часто случалось съ нашими власть имущими, они и на этотъ разъ пере-

усердствовали. Треповъ такъ вошелъ въ роль благодѣтеля петербургскихъ рабочихъ, что рѣшилъ удовлетворить и самую завѣтную мечту ихъ: допустить ихъ до царя. Была импровизирована знаменитая царская депутація. Ко всѣмъ фабричнымъ и заводскимъ администраціямъ Треповымъ были отправлены вѣстники съ приказомъ разыскать наиболѣе подходящихъ и благонамѣренныхъ рабочихъ и наложить на нихъ новую повинность,—идти во дворецъ. Иногда полиція сама выбирала въ депутаты рабочихъ, которые были ей извѣстны по постояннымъ «служебнымъ» сношеніямъ съ ними. Трудно представить себѣ негодованіе рабочихъ, когда они изъ газетъ и объявленій узнали, что «они послали» депутацію къ царю. На нѣкоторыхъ заводахъ они рѣзко высказывали порицаніе хозяевамъ и директорамъ за то, что тѣ согласились, безъ вѣдома рабочихъ, посылать отъ ихъ имени депутацію. На заводѣ Рѣчкина за московской заставой рабочіе въ видѣ протеста даже забастовали. На многихъ заводахъ они потребовали отъ «депутатовъ» объясненія, предварительно гарантировавъ имъ «неприкосновенность личности». И когда стали извѣстны подробности аудіенціи, разсказанныя по большей части сѣрыми и темными депутатами, къ негодованію рабочихъ прибавился и презрительный смѣхъ. Для политическаго развитія петербургскаго пролетаріата дѣйствительно, кромѣ ужаса и отвращенія къ власть имущимъ, въ то время было настоятельно необходимо еще и презрѣніе къ нимъ, и объ этомъ Треповъ отечески позаботился. Инцидентъ съ депутаціей былъ поворотнымъ пунктомъ въ настроеніи рабочихъ. Растерянность мало-по-малу начинаетъ проходить и опять растетъ желаніе бороться. Средство борьбы и протеста остается прежнее, уже испытанное въ январскіе дни. Начинается широкое забастовочное движеніе, безпрерывное, но безсистемное. Наиболѣе частымъ требованіемъ рабочихъ является восьмичасовой рабочій день, но каждая фабрика, каждый заводъ ведетъ борьбу за свои спеціальныя нужды, а иногда бастуетъ, не выставляя никакихъ требованій. Всѣ попытки соціалдемократовъ упорядочить и объединить движеніе не имѣютъ успѣха. Имъ только удается—и чѣмъ дальше, тѣмъ легче—вносить политическія требованія, сообщать экономической борьбѣ рабочихъ политическій характеръ. На болѣе отсталыхъ заводахъ и фабрикахъ это давалось не безъ труда и послѣ 9 января. Но фактически рабочіе ведутъ все это время уже борьбу со всѣмъ режимомъ. Своей безпорядочной, непрекращающейся борьбой они расшатываютъ весь строй и не только вносятъ дезорганизацію въ хозяйственную жизнь, но и создаютъ состояніе неувѣренности и неустойчивости во всей жизни страны.

Центральнымъ боевымъ моментомъ этого, непосредственно слѣдовавшаго за январскими днями, періода была кампанія по поводу коммиссіи Шидловскаго, когда соціалдемократіи единственный разъ удается не только активно вмѣшаться по всей линіи въ эту кампанію, но и имѣть рѣшающее вліяніе на весь ходъ ея. Сама коммиссія, которая должна была выяснить причины недовольства рабочихъ и выработать мѣры для его устраненія, вызвала въ разныхъ слояхъ петербургскаго пролетаріата не одинаковое отношеніе къ себѣ. Рабочіе

металлургическихъ заводовъ съ самаго начала смотрѣли на коммиссію, какъ на ловкій пріемъ для того, чтобы отвлечь вниманіе рабочихъ отъ наиболѣе существенныхъ вопросовъ и направить ихъ на мелкія заводскія нужды. Практическихъ результатовъ они не ждали отъ этой коммиссіи, какъ и отъ всѣхъ другихъ коммиссій, которыя въ то время работали по всѣмъ вѣдомствамъ на благо русскому народу. Иначе относились отсталые рабочіе многихъ петербургскихъ фабрикъ. Въ ихъ средѣ велись неустанные разговоры о требованіяхъ, которыя слѣдуетъ предъявлять въ коммиссію, о прошеніяхъ, которыя нужно туда направлять. Тамъ искренно вѣрили, что въ лицѣ коммиссіи созданъ органъ, куда можно будетъ отправлять ходоковъ съ изложеніемъ нуждъ. Въ общемъ же коммиссія Шидловскаго вызвала огромное оживленіе въ рабочихъ кругахъ и въ то время повсюду, на квартирахъ, за работой, въ трактирахъ, на улицѣ рабочіе оживленно обсуждали вопросы, связанные съ ней, охотно посѣщали массовки, шли въ кружки, посѣщали легальныя собранія разныхъ союзовъ и вездѣ настойчиво ставили вопросы о своей тактикѣ въ этой коммиссіи. На почвѣ этого сильнаго интереса, вызваннаго коммиссіей, соціалдемократической мѣстной группѣ удалось развить интенсивную агитацію и значительно расширить свою организацію. О самой организаціи я разскажу подробнѣе въ слѣдующей главѣ, а пока буду продолжать разсказъ о личныхъ впечатлѣніяхъ своихъ за этотъ періодъ повышеннаго интереса петербургскихъ рабочихъ ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ.

Въ началѣ соціалдемократы были склонны пропагандировать воздержаніе, бойкотъ выборовъ въ коммиссію Шидловскаго. Они хотѣли прежде всего потребовать осуществленія условій, дѣлающихъ возможными правильные выборы депутатовъ. Въ частности они выставили требованія неприкосновенности личности, свободы собраній и публичности засѣданій коммиссіи. Только при осуществленіи этихъ требованій они рекомендовали рабочимъ принимать участіе въ выборахъ. Но очень скоро оказалось, что хотя открытыхъ собраній рабочихъ не было, была все таки возможность вести довольно широкую выборную агитацію, и стало очевидно, что болѣе или менѣе успѣшнаго бойкота провести во всякомъ случаѣ не удалось бы. Къ тому же выборы въ коммиссію представляли такую прекрасную почву для политической агитаціи, что сразу разрушать ее многимъ казалось нелѣпымъ. Въ виду этого немедленно по опубликованіи правилъ о выборахъ въ коммиссію соціалдемократы рѣшили начать интенсивную выборную кампанію и обходя нѣкоторыя избирательныя ограниченія, повсюду провести выборы выборщиковъ, и если окажется необходимымъ, и депутатовъ, но потомъ либо отказаться отъ выборовъ депутатовъ, либо отъ участія въ коммиссіи, если не будетъ удовлетворенъ рядъ общедемократическихъ требованій, обнимающихъ всѣ гражданскія права и объединяемыхъ въ основномъ требованіи созыва учредительнаго собранія. Какъ извѣстно, всю эту кампанію удалось провести по этому плану.

Мнѣ приходилось, какъ я уже указалъ, работать за это время за нарвской заставой,— на Путиловскомъ заводѣ, и за московской заставой. Кромѣ того въ самый горячій періодъ кампаніи приходилось

также вести продолжительныя бесѣды съ крайне отсталыми депутатами и рабочими россійско-американской резиновой мануфактуры.

Путиловскій заводъ съ его 13000 рабочихъ до январскихъ дней былъ однимъ изъ самыхъ отсталыхъ металлургическихъ заводовъ Петербурга. Число рабочихъ, посѣщавшихъ соціалдемократическіе кружки, до этого періода никогда не превосходило тамъ человѣкъ 50. Это былъ, какъ я уже указалъ, народъ очень молодой: 2—3 человѣка лѣтъ 25, а всѣ остальные 17—20 лѣтъ. Въ противоположность соціалдемократамъ, гапоновское движеніе захватило кадры самыхъ пожилыхъ рабочихъ, и во главѣ его стояла старая заводская рабочая аристократія, сравнительно хорошо зарабатывавшая, имѣвшая порой даже свои домишки при заводѣ и прочно въ немъ усѣвшаяся. Я вспоминаю свое пріятное изумленіе, когда я явился впервые въ трактиръ на собраніе гапоновскихъ рабочихъ вожаковъ и увидѣлъ передъ собой зрѣлыхъ самостоятельныхъ людей съ опредѣленнымъ отношеніемъ къ людямъ и событіямъ. Настроеніе ихъ было очень боевое: и они, подобно своимъ товарищамъ за невской заставой, были проникнуты глубокимъ разочарованіемъ по отношенію къ рабочей массѣ, и главный, если не единственный, способъ воздѣйствія на заводъ или администрацію для завоеванія уступокъ, видѣли въ фабричномъ террорѣ. Это рѣшительное настроеніе наиболѣе вліятельныхъ рабочихъ, ужасныя жертвы, понесенныя рабочими этого завода 9 января, въ связи съ крайне неискреннимъ отношеніемъ къ рабочимъ со стороны администраціи завода съ директоромъ Смирновымъ во главѣ, поддерживали на заводѣ состояніе постояннаго недовольства, готоваго каждую минуту перейти въ забастовку. И если рабочіе въ своихъ многочисленныхъ стачкахъ лишь попутно ставили политическія требованія, то ясно было, что ихъ борьба не прекратится, пока не исчезнетъ весь режимъ со всѣми его стѣсненіями, которыя онъ ставитъ свободному развитію классовой борьбы. На заводѣ почти немедленно послѣ январскихъ событій были выбраны представители мастерскихъ, которые вели постоянные переговоры съ администраціей, добились отъ нея значительныхъ уступокъ, но заводская масса стачками постоянно толкала своихъ представителей на новыя требованія: регулярная производственная жизнь не могла установиться на заводѣ за весь 1905 г. Когда были объявлены выборы въ коммиссію Шидловскаго, у путиловцевъ прежде всего возникъ вопросъ, выбирать ли новыхъ депутатовъ или поручить старымъ представительство заводской массы въ коммиссіи. По этому вопросу были созваны массовки, онъ также обсуждался въ соціалдемократическихъ кружкахъ, сильно разросшихся за это время, и было рѣшено, въ виду присутствія среди прежнихъ заводскихъ депутатовъ нѣкоторыхъ нежелательныхъ элементовъ, а также изъ агитаціонныхъ цѣлей, добиваться новыхъ выборовъ. При этомъ предполагалось на дворѣ завода созвать обширный митингъ и провести выборы подъ объединяющимъ всѣ требованія лозунгомъ созыва учредительнаго собранія. Администрація завода приняла съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы помѣшать какъ собранію, такъ и новымъ выборамъ вообще; она не сдѣлала необходимыхъ для выборовъ техническихъ приготовленій, вывѣсила лишь поздно объявленіе о выборахъ и послѣдніе дѣйствительно

прошли при очень значительномъ числѣ воздержавшихся рабочихъ. Съ своей стороны полиція приняла всѣ мѣры, чтобы помѣшать постороннимъ заводу элементамъ проникнуть въ заводъ. У воротъ завода были арестованы 3 агитатора, и такимъ образомъ большія собранія не могли состояться. Пишущему эти строки удалось, однако, проникнуть на заводъ и присутствовать на выборахъ въ трехъ мастерскихъ. Въ большей части мастерскихъ выборы прошли подъ значительнымъ вліяніемъ соціалдемократовъ, и кандидаты, намѣченные ими, въ большинствѣ были избраны. Если большихъ рѣчей почти нигдѣ не было, то во время выборовъ соціалдемократическіе рабочіе вели усиленную агитацію за извѣстныхъ кандидатовъ и опредѣленную избирательную платформу. Для рабочаго состава соціалдемократическихъ кружковъ характерно то, что всѣ кандидаты и выборные, кромѣ одного, не принадлежали къ партійной организаціи, и намъ приходилось агитировать за нѣкоторыхъ изъ нихъ даже безъ ихъ вѣдома. Кое съ кѣмъ изъ выборныхъ мы знакомились лишь передъ самыми выборами для того, чтобы подвергнуть первоначальному «экзамену» ихъ «сознательность». Своихъ же организованныхъ рабочихъ вслѣдствіе ихъ малой вліятельности на заводѣ не было никакой надежды проводить.

Въ виду этого агитація среди самихъ выборныхъ получила громадное значеніе. И она дѣйствительно велась нами съ большой энергіей. Мнѣ напр. ежедневно приходилось бывать на собраніяхъ выборныхъ, къ которымъ обыкновенно присоединялось не мало и другихъ рабочихъ. О политическомъ уровнѣ выборныхъ путиловскихъ можетъ дать нѣкоторое понятіе то, что наиболѣе интересующимъ ихъ вопросомъ было требованіе восьмичасоваго рабочаго дня. На первыхъ бесѣдахъ приходилось прежде всего устанавливать тѣсную зависимость экономической борьбы отъ осуществленія гражданскихъ правъ и затѣмъ подробно и популярно выяснять сущность этихъ правъ. И лишь на послѣднихъ собраніяхъ въ качествѣ вѣнца требованій поставить созывъ учредительнаго собранія. Изъ выборныхъ немедленно выдѣлились крайне интересныя личности. Несомнѣннымъ лидеромъ выборныхъ путиловскаго завода является рабочій—слесарь К., лѣтъ 40—45, очень интеллигентный, много читавшій на своемъ вѣку, въ особенности по изящной литературѣ и литературной критикѣ, вполнѣ освѣдомленный по вопросамъ русской публицистики и самъ писавшій стихи, очень красивые и грустные. Онъ былъ прекраснымъ ораторомъ, говорившимъ вполнѣ литературнымъ языкомъ, и въ особенности превосходнымъ чтецомъ, и обыкновенно въ трактирѣ, на улицахъ, и въ особенности у себя дома собиралъ вокругъ себя народъ и либо говорилъ, либо артистически читалъ имъ. Дома у него постоянно толпился народъ и онъ усердно приглашалъ насъ къ себѣ, обыкновенно прибавляя при этомъ, что онъ уже успѣлъ все разсказать, что зналъ, что онъ уже «надоѣлъ» своимъ слушателямъ, и потому новые люди должны его замѣнить. И дѣйствительно у него всегда можно было найти свѣжую, жадно ловившую слова оратора, аудиторію, относившуюся къ хозяину съ большимъ уваженіемъ. Самъ К. когда-то былъ высланъ изъ одной изъ центральныхъ губерній, на Путиловскомъ заводѣ работалъ года 3, сначала попалъ въ зубатовское общество, и

даже окончательно не порвалъ съ нимъ связей до послѣдняго времени и разсказывалъ намъ о разныхъ гнусныхъ мѣрахъ, которыя тамъ затѣвались противъ передовыхъ рабочихъ. Въ общемъ К. былъ несомнѣнно талантливая натура, но слишкомъ мало иниціативная и недостаточно активная; получивши толчекъ, онъ временно увлекался, проявлялъ довольно широкую дѣятельность, но потомъ быстро уставалъ и по обыкновенію... выпивалъ. Послѣ кампаніи по поводу коммиссіи Шидловскаго, онъ ушелъ отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ и, кажется, даже уѣхалъ изъ Петербурга.

Другой, хотя и менѣе одаренной, но психологически чрезвычайно интересной и привлекательной личностью былъ партійный кандидатъ въ выборные также слесарь К. Онъ былъ очень преданный, очень революціонно настроенный, вѣчно чего-то ищущій и неудовлетворенный, очень мало свѣдущій рабочій съ чисто интеллигентской душой. Долженъ прибавить еще, что онъ сильно пилъ. За этотъ періодъ онъ безпрерывно и безстрашно агитировалъ, гдѣ только могъ. Трудно было часто уловить точный смыслъ его рѣчей, но онъ всегда сильно возбуждалъ слушателей, подкупая ихъ своей искренностью и страстностью. Когда я однажды сталъ его убѣждать воздержаться отъ чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ, онъ меня мрачно выслушалъ и столь же мрачно отвѣтилъ, что ему скучно жить. Тогда же онъ мнѣ разсказалъ, что когда онъ впервые познакомился съ интеллигентами соціалдемократами, они произвели на него громадное впечатлѣніе. Онъ убѣдился, говорилъ онъ, что «если есть на свѣтѣ такіе люди, то еще стоитъ жить на свѣтѣ». Онъ бросилъ тогда пить, посѣщалъ кружки, ходилъ на домъ къ интеллигентамъ, присматривался, предлагалъ вопросы и скоро... опять сталъ пить. Онъ увидѣлъ, говорилъ онъ, что большинство интеллигентовъ дѣлаетъ свое прекрасное дѣло не потому, что ихъ толкаетъ внутренняя сила, а главнымъ образомъ потому, что и имъ нужно отогнать скуку и наполнить чѣмъ нибудь свою жизнь. О себѣ онъ говорилъ, что ему хочется быстро сгорѣть, и глубоко жалѣлъ, что соціалдемократы, къ которымъ онъ относился съ огромнымъ уваженіемъ, не признаютъ террора, къ которому онъ себя считалъ наиболѣе приспособленнымъ.

На собраніяхъ выборныхъ Путиловскаго завода изъ общаго числа 26-и перебывало 22, и когда на послѣднемъ собраніи былъ прочитанъ манифестъ, выработанный мѣстной центральной группой, который приведенъ ниже, онъ съ восторгомъ былъ ими принятъ.

За московской заставой руководящимъ заводомъ былъ вагоностроительный, бывшій Рѣчкина, съ 4000 рабочихъ. И на этомъ заводѣ удалось провести прекрасный составъ выборныхъ. Главную роль въ агитаціи среди нихъ играли однако не партійные агитаторы, а рабочій—электротехникъ С., сначала совсѣмъ не связанный съ партіей, а потомъ въ процессѣ работы все болѣе и болѣе сближавшійся съ ней и впослѣдствіи даже вошедшій въ нее. Это былъ чрезвычайно энергичный и умный рабочій лѣтъ 30, почти ничего не читавшій въ своей жизни и вообще не любитель чтенія, но съ прекраснымъ темпераментомъ и необыкновенной активности. Выдвинувшись еще въ гапоновскіе дни, онъ часто появлялся въ толпѣ, устраивалъ огромныя

собранія на дворѣ завода, на неподалеку лежавшемъ путиловскомъ валу, говорилъ ярко, картинно и пользовался громаднымъ вліяніемъ. Было отдано распоряженіе арестовать его, но въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ онъ былъ неуловимъ, хотя чуть ли не ежедневно являлся въ заводъ, заставлялъ себѣ открывать его и устраивалъ собранія. Онъ первымъ попалъ въ выборщики отъ завода въ коммиссію Шидловскаго и тогда сталъ расширять свою агитацію, перенесъ ее на неподалеку отъ завода расположенную большую мануфактуру механической обуви съ 3000—3500 рабочихъ. Всякія требованія, принимаемыя заводомъ Рѣчкина, онъ пересылалъ въ мануфактуру, и на слѣдующій день получалъ обратно листъ, на которомъ краснымъ карандашемъ отмѣчались непонятныя требованія. Онъ возвращалъ листъ съ необходимыми разъясненіями и потомъ, когда во всемъ районѣ были избраны выборные, онъ устраивалъ правильныя общія собранія выборныхъ, и въ качествѣ предсѣдателя на этихъ собраніяхъ руководилъ всей агитаціонной работой за московской заставой. Онъ не ограничивался агитаціей среди однихъ выборныхъ, а старался всѣ рѣшенія коллегіи выборныхъ довести до свѣдѣнія рабочихъ на большихъ собраніяхъ. Для того, чтобы защитить его отъ ареста, его обыкновенно до заставы сопровождала большая толпа рабочихъ, а тамъ онъ всегда искусно исчезалъ. Во всей этой работѣ онъ, конечно, дѣйствовалъ въ согласіи съ соціалдемократической районной организаціей, но все время оставался душой движенія. Онъ же провелъ приводимый ниже соціалдемократическій манифестъ на общемъ собраніи выборныхъ района.

Чтобы дать понятіе о настроеніи болѣе отсталыхъ круговъ петербургскихъ рабочихъ за этотъ періодъ, разскажу еще свои наблюденія надъ тѣмъ, какъ реагировали на коммиссію Шидловскаго рабочіе россійско-американской резиновой мануфактуры. Это громадное предпріятіе, насчитывающее около 8000 рабочихъ, изъ которыхъ лишь 600—700 квалифицированныхъ, до сихъ поръ всегда очень слабо реагировало на общественныя событія и въ исторіи рабочаго движенія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Независимо отъ общаго низкаго культурнаго уровня большинства рабочихъ, этому способствовала еще и широкая черносотенная агитація, которую вела и ведетъ администрація завода, состоящая преимущественно изъ «истинно русскихъ» иностранцевъ. Соціалдемократы имѣли на этомъ заводѣ лишь нѣсколько кружковъ молодыхъ рабочихъ, вліяніе которыхъ на остальную массу было равно нулю. Гапоновское движеніе возбудило было сильный интересъ, привлекло въ качествѣ дѣятельныхъ членовъ группы матеріально лучше поставленныхъ рабочихъ и въ качествѣ обыкновенныхъ посѣтителей собраній нѣсколько сотъ другихъ наиболѣе отзывчивыхъ рабочихъ, но послѣ 9 января реакція въ этомъ предпріятіи была особенно упорная. Не безъ участія администраціи здѣсь усиленно распространялись слухи, что деньги гапоновскихъ отдѣловъ были присвоены отдѣльными гапоновцами, что движеніе потерпѣло крахъ благодаря студентамъ и соціалистамъ, выкинувшимъ красные флаги и тѣмъ вынудившимъ правительство прибѣгнуть къ разстрѣламъ. Всѣ эти клеветы вмѣстѣ съ арестами и увольненіями болѣе сознательныхъ рабочихъ настолько испугали и сбили съ толку рабочихъ, что послѣ

9 января исчезъ всякій живой духъ на заводѣ, хотя, несомнѣнно, взбудораженное всѣми необычайными событіями чувство рабочихъ и этой мануфактуры, какъ и рабочихъ всего Петербурга, окончательно улечься не могло и нуженъ былъ лишь новый толчекъ, чтобы снова вызвать сильное броженіе. Такимъ толчкомъ и послужилъ указъ о созывѣ коммиссіи Шидловскаго. Но въ массѣ рабочихъ резиновой мануфактуры, состоявшей главнымъ образомъ изъ недавно сидѣвшихъ на своей землѣ крестьянъ, вѣра въ коммиссію была большая. Здѣсь подробно говорили о тѣхъ бѣдахъ, о которыхъ нужно будетъ черезъ ходоковъ—депутатовъ довести до свѣдѣнія «его превосходительства, сенатора Шидловскаго», и искренно надѣялись, что уже теперь, черезъ сенатора, рабочія бѣды будутъ услышаны, гдѣ слѣдуетъ. Словомъ настроеніе было крайне оптимистическое, и болѣе всего здѣсь настаивали на томъ, чтобы не ставить рѣзкихъ и широкихъ требованій, чтобы не допустить къ себѣ крамольниковъ, которые снова могутъ лишь увлечь рабочихъ на неправедные пути.

Выборы между тѣмъ приближались, въ каждомъ отдѣленіи мануфактуры были заранѣе намѣчены выборные,—то были наиболѣе пожилые и старые рабочіе; до рабочихъ мануфактуры все чаще стали доходить слухи о собраніяхъ на другихъ заводахъ, о прошеніяхъ, которыя посылались Шидловскому, о разговорахъ, которые съ нимъ имѣли выборные, и резиновцы съ своей стороны стали опасаться, что они «прозѣваютъ» ожидавшихся отъ коммиссіи благодѣяній. Намѣченные выборные стали собираться съ другими вліятельными рабочими и обсуждать, что имъ предпринять, но по необходимости ли, или вообще по некультурности, ни до чего толкомъ не могли договориться. Пробовали было немногочисленные рабочіе соціалдемократы этого завода привести свою агитаторшу на одно такое обсужденіе, но лишь только собраніе увидѣло передъ собой человѣка съ крамольной физіономіей курсистки, какъ оно болѣе чѣмъ на $^3/_4$ уменьшилось: всѣ старые и вліятельные рабочіе немедленно искали спасенія отъ крамолы въ бѣгствѣ. Положеніе создалось такимъ образомъ довольно затруднительное.

При такихъ-то обстоятельствахъ мнѣ случайно удалось проникнуть къ резиновцамъ. На одномъ изъ собраній, когда они горевали, что у нихъ ничего толкомъ не выходитъ, одна недавно поступившая къ нимъ работница, умная и энергичная дѣвушка, которая вела знакомство съ соціалдемократическими рабочими—путиловцами, предложила собранію привести къ нимъ своего брата, выборнаго Путиловскаго завода, человѣка уже не молодого, токаря и «умницу» («онъ у меня четыре класса городского кончилъ»), который и разскажетъ, какъ взялись за дѣло путиловскіе рабочіе. Предложеніе было охотно принято и на слѣдующій день въ качествѣ брата работницы «умницы и путиловскаго токаря» попалъ къ нимъ на собраніе и авторъ этихъ строкъ. Послѣ этого мнѣ приходилось съ ними имѣть частыя и продолжительныя бесѣды. Оказалось, что и въ ихъ средѣ, въ особенности среди квалифицированныхъ рабочихъ ремонтной слесарной мастерской, были люди, много читавшіе и очень мыслящіе и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ за умъ и познанія. Но какъ

мнѣ приходилось не разъ уже замѣчать въ другихъ мѣстахъ, это были по большей части люди мало активные: они настолько дорожили своей «умственностью», настолько поглощены были своей духовной жизнью и въ то же время имъ такъ нравилось ихъ положеніе общепризнаваемаго всей массой «умственнаго» авторитета, что въ мелкія дѣла «міра сего» они очень мало вмѣшивались. Были также среди рабочихъ и люди, видавшіе разные виды и лучшія времена, потерпѣвшіе крушеніе на другихъ поприщахъ и стоявшіе значительно выше остальной массы, но къ нимъ большого довѣрія не было. Правда, всѣ эти люди въ бурные періоды выдвигались и даже становились во главѣ массы, но проходилъ острый моментъ, и прежняя, воспитанная всей русской жизнью, неактивность снова брала свое и они снова уходили въ свой уголъ. Вліяніемъ въ своей средѣ пользовались обыкновенно люди, не блещущіе познаніями, но сильные, умѣвшіе ладить съ администраціей, но никогда не терявшіе собственнаго достоинства и, способные въ нужные моменты показать ей острые зубы и настоять на своемъ, въ особенности хорошо знающіе свое ремесло рабочіе. Къ мнѣнію такихъ людей прислушивался весь заводъ и они задавали тонъ. Большинство выборныхъ состояло также изъ этихъ элементовъ, хотя были единичные представители и первыхъ двухъ категорій.

На первомъ собесѣдованіи резиновскіе депутаты засыпали меня своими требованіями, составлявшими злобу дня на заводѣ, и раскрыли такую картину не только экономической эксплуатаціи, но и моральныхъ стѣсненій, и при этомъ обнаружили такую вѣру въ то, что «сенаторъ» за нихъ заступится, что приходилось долго убѣждать ихъ въ томъ, что безъ правъ, создающихъ для рабочихъ возможность соединяться и совмѣстно обсуждать дѣла, никакія серьезныя улучшенія не прочны. На второмъ собраніи они охотно приняли предложеніе обратиться къ Шидловскому съ письмомъ, заключающимъ въ себѣ требованія элементарныхъ гражданскихъ правъ. Я настоялъ однако на томъ, чтобы письмо до посылки было прочитано и распространено на заводѣ. Письмо съ требованіями было отбито на пишущей машинкѣ въ 4—5 экземплярахъ, и выборные стали показывать это письмо рабочимъ. Нѣкоторые рабочіе раньше, чѣмъ приступить къ чтенію, справлялись, не нелегальный ли это листокъ, другіе высказывали недовольство, что въ письмѣ нѣтъ достаточной почтительности къ сенатору (не было обращенія «Ваше превосходительство», не было сказано «покорнѣйше просимъ», а «требуемъ») просили смягчить рѣзкія, по ихъ мнѣнію, выраженія, но въ общемъ большинство рабочихъ одобрило содержаніе письма. Письмо на слѣдующемъ нашемъ собраніи было на половину смягчено, и въ такомъ видѣ отправлено Шидловскому. Въ процессѣ нашихъ общихъ собесѣдованій выборные все расширяли свои требованія, охотно присоединились къ общимъ требованіямъ того времени, но учредительное собраніе приняли скорѣе изъ вѣжливости, чѣмъ отъ внутренняго убѣжденія. Въ общемъ однако мысль рабочихъ настолько сильно прогрессировала, что даже эти отсталые представители отсталыхъ рабочихъ болѣе, чѣмъ оправдали мои надежды. Мнѣ пришлось видѣть ихъ на общемъ собраніи выборщиковъ въ народномъ домѣ графини Паниной, и ока-

залось, что мои резиновскіе выборщики поддались общему боевому настроенію и обнаружили такую сознательность и пониманіе значенія всей затѣи Шидловскаго, что я ихъ просто не узнавалъ.

Въ остальной части Петербурга выборы дали приблизительно тѣ же результаты. Почти на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ былъ выбранъ народъ наиболѣе передовой и сознательный. Организованныхъ соціалдемократовъ былъ лишь самый незначительный процентъ. Нѣсколько большій успѣхъ послѣдніе имѣли на Васильевскомъ островѣ и на отдѣльныхъ заводахъ за невской заставой. Но идейное вліяніе соціалдемократіи было, повторяю, рѣшающее, и агитація среди выборщиковъ велась ею очень интенсивно и успѣшно. Большинство выборщиковъ приняло манифестъ, выработанный мѣстной центральной соціалдемократической группой.

Когда результаты выборовъ стали извѣстны, центральная группа постановила рекомендовать выборнымъ выбирать депутатовъ въ коммиссію, но лишь для того, чтобы депутаты явились на первое ея собраніе, провозгласили свои болѣе гражданскія требованія, и по полученіи несомнѣнно отрицательнаго отвѣта въ томъ смыслѣ, что коммиссія не уполномочена обсуждать этихъ вопросовъ,—отказались бы отъ дальнѣйшаго участія въ коммиссіи и удалились. Группа выработала и соотвѣтствующій манифестъ, который она и рѣшила предложить депутатамъ прочесть въ коммиссіи передъ ихъ удаленіемъ. Привожу этотъ манифестъ цѣликомъ, какъ чрезвычайно характерный документъ для выясненія всей тактической позиціи и содержанія агитаціи меньшевистской организаціи въ Петербургѣ за это время. Манифестъ этотъ гласитъ:

...«Неслыханныя бѣдствія терзаютъ нашу родину. Второй годъ длится кровопролитнѣйшая, невиданная міромъ, война. Изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ истребляются сотни тысячъ жизней, погибающихъ въ цвѣтѣ силъ и лѣтъ. Сотни тысячъ семействъ, лишенныхъ кормильцевъ, обрекаются на голодную смерть. Каждый выбитый изъ строя солдатъ—это пущенная по міру семья.

«Хозяйственная жизнь страны пріостанавливается. Сокращается работа на фабрикахъ и заводахъ. Тысячи, десятки тысячъ рабочихъ выбрасываются на улицу. Земля, отъ которой отрывается работникъ-крестьянинъ, остается невоздѣланной. Насъ ждетъ еще такой голодъ, такой неурожай, какого даже наша многоизвѣдавшая Русь не видала. Или смерть на войнѣ отъ непріятельской руки, или смерть здѣсь дома отъ голода и безработицы—вотъ участь милліоновъ нашего народа.

«Кто вызвалъ эту ужасную войну? Кому она нужна была?

«Единственнымъ ея виновникомъ мы считаемъ правительство. Оно вызвало войну, чтобы отвлечь вниманіе народа отъ внутреннихъ неурядицъ. Война ему понадобилась, чтобы блескомъ военной славы ослѣпить волнующуюся народную массу, чтобы громкими побѣдами заставить ее забыть о своихъ невзгодахъ и страданіяхъ.

«Но правительство ошиблось въ разсчетѣ.

«Какъ это случалось уже не разъ съ другими государствами, какъ это уже случилось съ Россіей въ Крымскую кампанію, война

только обнаружила внутреннюю гниль, полную неспособность самодержавной бюрократіи управлять государствомъ. Милліарды денегъ они затрачивали на устройство и вооруженіе флота, на содержаніе безчисленнаго войска. По количеству солдатъ ни одна страна въ мірѣ не можетъ съ нами сравниться. И тѣмъ не менѣе съ самаго начала войны до настоящаго дня мы терпимъ пораженіе за пораженіемъ, одно крупнѣе другого. Маленькая Японія, населеніе которой въ три раза, а занимаемая площадь въ 50 разъ меньше Россіи, оказалась во много разъ сильнѣе первой по военкому могуществу міровой державы.

«И еще въ одномъ отношеніи ошиблось правительство. Народъ не забылъ своихъ страданій. Напротивъ. Война, увеличивая эти страданія, явилась могучимъ рычагомъ, развивающимъ его сознаніе. То, чего такъ не хотѣло правительство, наступило противъ его воли. Съ каждымъ днемъ умножается число тѣхъ, которые начинаютъ понимать, гдѣ корень нашихъ несчастій, кто виновникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ. И скоро не останется ни одного человѣка на Руси, который не зналъ бы по имени этого виновника... имя его—*самодержавіе.*

«Сначала робко и одиноко потомъ смѣлѣе, шире и требовательнѣе стали раздаваться голоса недовольства. Заговорила либеральная печать. Зашумѣли либеральные банкеты. Посыпались резолюціи отъ разнаго рода обществъ. Потребовали реформъ, конституціи... «Всеподданѣйше припадая къ стопамъ Его Величества», часть земскихъ учрежденій высказалась за реформы политической жизни, за земскій соборъ. О необходимости политической свободы заявили московское купечество и петербургскіе фабриканты. Всеобщей забастовкой поддерживаетъ свое требованіе коренного политическаго переустройства все русское студенчество.

«Рѣшительнѣе и грознѣе всѣхъ высказался рабочій классъ. Первымъ поднялся петербургскій пролетаріатъ. А за нимъ съ поразительнымъ единодушіемъ выступили рабочіе массы всей Россіи. Противъ всероссійскаго самодержца сталъ лицомъ къ лицу всероссійскій пролетаріатъ...

«Злодѣйская бойня, устроенная правительствомъ въ отвѣтъ на мирное выступленіе рабочаго класса, превзошла всѣ его прежнія преступленія. Улицы почти всѣхъ городовъ Россіи снова, и на этотъ разъ обильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, оросились пролетарской кровью. Тысячи убитыхъ, тысячи раненыхъ,—вотъ чѣмъ заплатилъ рабочій классъ за попытку выразить свое недовольство.

«Общее положеніе нашей родины таково: полное разстройство всей народнохозяйственной и государственной жизни. Всѣ силы народныя истребляются двоякаго рода войной—внѣшней и внутренней: войной съ Японіей на далекихъ поляхъ Манчжуріи и войной съ русскимъ народомъ на нашихъ родныхъ нивахъ. На одной сторонѣ—самодержавное правительство, темная шайка грабителей, безжалостно расхищающихъ народное тѣло, на другой—весь русскій народъ и, какъ передовая его часть, революціонный рабочій классъ Россіи.

«Гдѣ выходъ изъ этого положенія? Какъ разрѣшить этотъ всеобщій государственный кризисъ?

«Самодержавіе ищетъ этотъ выходъ въ разнаго рода коммиссіяхъ съ правленіемъ «свѣдущихъ лицъ изъ общества». Сегодня оно устроило коммиссію «для составленія новаго устава о печати», коммиссію «для разработки правилъ о полномочіяхъ правительственныхъ органовъ». Завтра оно «учредитъ» еще подобныя совѣщательныя коммиссіи. Такую же коммиссію «для выясненія причинъ нашего недовольства», послѣ кровавыхъ январскихъ дней, правительство даровало рабочимъ. Страна жаждетъ безотлагательнаго и коренного политическаго переустройства, а правительство подобными полумѣрами хочетъ *примирить* съ собой негодующую народную совѣсть. Неспособность самодержавія сдѣлать чтобы то ни было для блага родины стала ясна для всѣхъ, а оно все еще пытается удержать власть въ своихъ рукахъ. Самодержавіе научило насъ недовѣрчиво относиться къ его начинаніямъ. Еслибы у насъ еще осталась капля вѣры въ искренность правительства, то отвѣтъ его на требованія, выставленныя нами по поводу выборовъ депутатовъ въ коммиссію, открылъ глаза самому довѣрчивому изъ насъ. Мы требовали свободы предвыборной агитаціи, мы хотѣли столковаться о нашихъ нуждахъ. Намъ этого не дали. Мы требовали освобожденія нашихъ депутатовъ,—этого требованія не удовлетворили. Мы хотѣли прямыхъ и честныхъ выборовъ, ихъ намъ не дали. Еще и еще разъ самодержавіе показало, что, покуда оно существуетъ, невозможны свободы мысли и слова, невозможно отстаивать и защищать свои интересы.

«Петербургскіе рабочіе рѣшили воспользоваться представившимся случаемъ, приглашеніемъ въ эту коммиссію, чтобы заявить черезъ насъ передъ лицомъ всей Россіи свои требованія. Мы боремся за восьми-часовой рабочій день, мы желаемъ фабричной инспекціи, составленной изъ представителей рабочаго класса, намъ нужно такое государственное страхованіе, при которомъ будутъ соблюдены ихъ интересы.

«Далѣе мы требуемъ: немедленнаго прекращенія войны, свободы собраній, свободы устнаго и печатнаго слова, свободы союзовъ и стачекъ, свободы совѣсти и неприкосновенности личности и жилища, дарового всеобщаго народнаго образованія, мы требуемъ широкаго народнаго управленія.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы, представители петербургскаго пролетаріата, непоколебимо убѣждены въ томъ, что единственный способъ удовлетворить всѣ эти требованія, какъ и единственный выходъ изъ современнаго политическаго положенія, — немедленная передача государственной власти въ руки народа. Мы твердо увѣрены въ томъ, что единственнымъ спасителемъ нашей родины можетъ быть самъ народъ. Онъ самъ можетъ быть кузнецомъ своего счастья. Онъ долженъ взять свою судьбу въ собственныя руки.

«Отъ имени насъ избравшихъ мы требуемъ немедленнаго созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Только такое собраніе выработаетъ новый государственный порядокъ, въ которомъ рабочій классъ, вооруженный всѣми политическими правами, съумѣетъ повести

дальнѣйшую борьбу за свое полное освобожденіе отъ всякаго рода гнета и эксплуатаціи, за освобожденіе всего человѣчества.»

Предполагалось, повторяю, что это заявленіе будетъ прочтено депутатами на первомъ засѣданіи комиссіи, передъ ихъ уходомъ, но настроеніе выборныхъ оказалось болѣе революціоннымъ, чѣмъ мы предполагали. На общемъ собраніи всѣхъ выборщиковъ, состоявшемся наканунѣ выбора депутатовъ, было рѣшено послать Шидловскому ультимативныя требованія элементарныхъ свободъ, безъ предварительнаго осуществленія которыхъ рабочіе отказывались приступить къ выборамъ. Собраніе это прошло въ крайне приподнятомъ настроеніи. Застрѣльщиками являлись рабочіе металлургической промышленности, которые увлекли за собой громадное большинство остальныхъ выборныхъ. Небольшая группа выборныхъ Ушаковцевъ, встрѣченная негодующими криками собранія, публично отреклась отъ своего прошлаго и громогласно заявила, что и они всѣ присоединяются къ политическимъ требованіямъ. Въ центральной соціалдемократической группѣ рѣшено было въ день перваго засѣданія коммиссіи призывать рабочихъ къ стачкѣ для манифестированія солидарности всей рабочей массы со своими представителями. Это предложеніе было принято противъ другого предложенія, рекомендующаго объявить забастовку тогда, когда неудовлетворенные депутаты удалятся изъ комиссіи. Предложеніе это обсуждалось рабочими въ разныхъ районахъ и во многихъ изъ нихъ было принято лишь потому, что первый день засѣданія предполагался 19 февраля, и рабочіе съ воодушевленіемъ высказывались за празднованіе этого историческаго дня. 18 февраля назначены были выборы по секціямъ; отвѣта на свои требованія отъ Шидловскаго рабочіе конечно не получили и во всѣхъ секціяхъ, кромѣ двухъ, отказались отъ выбора депутатовъ. Выборные покинули выборныя собранія возбужденные, съ криками, «это новый обманъ»! «Товарищи, бастуйте»! и разошлись по районамъ, чтобы призвать рабочихъ къ стачкѣ. Стачка была почти всеобщая, и хотя снова рабочіе толковали преимущественно объ экономическихъ нуждахъ, но на этотъ разъ требованіе учредительнаго собранія было гораздо болѣе популярно въ массахъ, чѣмъ когда либо раньше.

С. Сомовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).
